

ЛАРА САДОВСКАЯ

ДВОЕ

В ОДНИХ ШТАНАХ

Лара Садовская
Двое в одних штанах

«Тип-Топ»

2020

УДК 82-32
ББК 84(2Рус-Рос)6

Садовская Л.

Двое в одних штанах / Л. Садовская — «Тип-Топ», 2020

ISBN 978-5-906097-76-7

Когда все идет хорошо, начинаешь порой испытывать беспокойство – что-то наверняка не так. Проще было бы отмахнуться от этого смутного ощущения. Но, если станешь разбираться, увязнешь не на шутку: жизнь порой приготовит столько сюрпризов – только успевай отбиваться. В этой книге события разворачиваются так неожиданно и непредсказуемо, что дух захватывает. Веселая ироничная история поможет исправить самое скверное настроение и еще раз убедиться: в мире полно того, что может доставить истинную радость – любовь, дружба, случайные встречи и даже старые вещи.

УДК 82-32
ББК 84(2Рус-Рос)6

ISBN 978-5-906097-76-7

© Садовская Л., 2020
© Тип-Топ, 2020

Содержание

1	6
2	12
3	22
4	31
5	36
6 Праздник сердца	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Лара Садовская

Двое в одних штанах

Отличный роман. Великолепный образец современной прозы. Стилистически безукоризненный, ироничный, с убедительной интеллектуальной составляющей.

Юрий Мамлеев, писатель, кавалер ордена Дружбы, лауреат Пушкинской премии и премии Андрея Белого

Охраняется законом об авторском праве. Все права защищены. Полная или частичная перепечатка издания, включая размещение в сети Интернет, возможна только с письменного разрешения правообладателя.

© Лара Садовская, текст, 2020

© Ника Пешкова, иллюстрация на обложке, 2020

© Издательство Кетлеров, 2020

1

Утро после трудной ночи

Окружен женским вниманием. Длинный и сексуальный, истинное выражение мужской сущности и мужского достоинства. Универсальный символ, умеющий легко подчеркнуть плюсы даже не самого привлекательного обнаженного тела. При внезапном обрезании не становится нелепым и банальным. Дает заряд бодрости с утра и уверенности в насыщенные ночные часы.

Из рекламы галстука

Сквозь неплотно задернутые шторы пробился солнечный луч. Ему было все равно, что бы он ни увидел в этой, одной из миллиона, комнат Большого Города. А никто другой и не мог увидеть, кроме владельца, конечно. Но он крепко спал.

В комнате царил не просто кавардак – это был настоящийхламытник. Здесь валялись два стула, перевернутые самым прихотливым образом непонятно зачем; иллюстрированные журналы и деловые бумаги были разбросаны по всему пространству; одежда, надеваемая последние дни пять, так и не попала в шкаф, а потому тоже нашла себе место среди остального разора... Пустые и початые бутылки не самого дорогого коньяка, пузатые рюмки, покрытые уже пылью и хранящие на своих боках следы пальцев, и диски, диски, диски на всех остальных, не занятых ничем местах. Дима был немного эстетом, поэтому эти радужные блинчики хранили в себе джазовые композиции: от незабвенных тридцатых до самых что ни на есть наших дней.

Полоска света легла Диме на лицо, осветила его правый глаз, слегка запуталась в скомканном одеяле и почти достигла торчащих наружу голых ног. Утренний сон самый сладкий. Впрочем, утренним он может быть, если заснуть вечером. А если лечь под утро, то... Все равно невообразимо приятно спать, когда у тебя чистая совесть и никаких дел.

Щелкнула электронная цифра на радиобудильнике, и он ожил. Жизнерадостный мужской голос натужно заорал:

– Это Вадя! «Вадя в шоколаде»! Я начинаю с вами новый денек!

Заявление бодрого радиоведущего не произвело на Диму ни малейшего впечатления.

– Самое добренькое утречко, – подхватил женский голосок. – Это Надя, вся в губной помаде! Мы приветствуем всех наших добреньких радиослушателей, просыпающихся в этот миленький часок.

– Ха-арошенькая музыка с утра – что еще надо человеку для счастья? – риторически спросил «Вадя в шоколаде» и врубил жуткий трэш с гитарными запилами.

Колебания звуковой волны накрыли комнату. Какой-то неустойчивый предмет вошел в резонанс и тихонечко зацокал-зацвинькал, добавляя к жизнерадостной музычке не слишком уверенный звук. Дима заворочался в постели и накрыл голову одеялом. Радио продолжало орать.

– Кто придумал эту сволочь? – прохрипел он. – Убью.

Его можно понять. Обычный будильник, особенно стоящий рядом с постелью, можно найти на ощупь, не открывая глаз, и грохнуть об пол. Если даже и не разобьется, то уж точно замолчит. А этот радиобудильник... Короче, он был приобретен специально, потому что отключался маленькой пипочкой на боку, которую надо еще найти, к тому же хозяин установил его на таком расстоянии от ночного ложа, что не было никакой надежды до него дотянуться. Приходилось встать, пройти несколько шагов, нащупать пипочку... Можно, конечно, выдернуть шнур из розетки, но обычно этот мерзкий провод так легко не сдавался. В любом случае

сначала необходимо было поднять себя, прошагать, пошатываясь от не ушедшего еще сна, по скользкому паркету и только тогда настичь орущего гада, чтобы заткнуть ему глотку. А иначе было просто не проснуться.

Осознав всю безвыходность своего положения, Дима сел, не открывая глаз, взлохматил волосы, немного пораскачивался, чтобы определить степень послушания тела.

– Здравствуй, новый день, – мрачно сказал он.

– О! Вы уже встали! – обрадовался радиоведущий. – Я так и вижу, какой энергией сверкают ваши глаза.

– Бодрость сквозит во всех ваших движениях, – вторил ему натужно оптимистичный женский голос. – Вам все сегодня по плечу.

– Придурки... – пробормотал Дима, нерешительно открывая глаза. – Видели бы вы меня... – А следующая наша композиция еще прибавит вам темпу и заставит радостно улыбнуться, – пообещал «Вадя в шоколаде». – М-м-м-м... – застонал Дима. – Этого я уже не вынесу...

Он неуверенно встал и, не переступая, а скользя ногами, преодолел нужное расстояние. Все. Ежеутренний гад замолчал. Дима еще постоял какое-то время, опираясь всем телом неизвестно на что, после чего, продолжая шаркать, поплелся в ванную.

Холодная струя душа обязана была помочь – он всегда рассчитывал на нее в таких случаях. И она старалась, но результаты ее трудов были весьма далеки от желаемого. Дима попытался немного помаршировать в потоках воды, бормоча: «Пьянству бой... Пьянству бой...», – но был еще не готов к таким сложным действиям. Темп сам собой замедлился, а бодрый марш свелся к слабому подергиванию верхних конечностей.

Чистя зубы, он внезапно вспомнил о задании, полученном на семинаре по ораторскому искусству. И тогда сквозь щетку стал бормотать стишок, самостоятельно выученный еще в детсадовском возрасте и неожиданно, но очень к месту пришедший на память:

*Что ни делает дурак,
Все он делает не так:
Начинает не сначала,
А кончает как попало ¹.*

Стихотворение вызывало у его мамы самые противоречивые чувства. С одной стороны, было известно, что автор получил признание органов образования и вообще культурной общественности, а с другой – оставалось непонятным, что он этим хотел сказать. И в чем заключался педагогический смысл произведения. Слово же «дурак» комментировалось ею отдельно.

Что до семинаров, то они были истинным мучением для всей фирмы, но избежать их не представлялось никакой возможности. Босс, весьма трепетно относившийся к новейшим веяниям в современной науке, беспощадно внедрял передовые методы в головы подчиненных, мордуя их всяческими тренингами. Человек уже немолодой, старой закалки, мыслил он весьма традиционно, но хватку имел железную, так что и сотрудники, и конкуренты, и партнеры его, можно сказать, уважали. Властный и не слишком терпимый к чужому мнению, все новое признавал с трудом, если только оно как-нибудь не касалось психологии – его слабого места, единственной струны, на которой можно было играть. И кто-то здорово сыграл, сорвав в результате неплохой куш. Потому что все сотрудники в дополнение к рабочему дню одолевали теперь модные премудрости на занятиях по ораторскому искусству, актерскому мастерству и прочим инновациям. Для каждого отдела к тому же еще предусматривались свои неисчислимые занятия по разного рода психологиям.

---

¹ Из стихотворения-сказки «Не так» поэта Самуила Яковлевича Маршака (1887–1964). – Прим. ред.

Прозвище «Босс» весьма точно отражало и главенствующее положение в фирме, и мощную приземистую суть человека. И не только писалось, но и произносилось с очень большой буквы «Б».

Фирма была крупной, работа престижной, Босс безапелляционным, зарплата убедительной... Спорить не приходилось, тем более что эти семинары формировали личность, развивали креативность, работали на качество и производительность труда, увеличивали объем продаж и количество сделок, улучшали коммуникативные способности и общий климат в коллективе... По крайней мере так говорилось в рекламных буклетах, насмерть убедивших жену Босса Марию Павловну. А уж это была последняя инстанция.

Щетка застыла где-то в районе коренных зубов – следующие строчки никак не вспомнились.

*И не вовремя он рад,
И печален невпопад.
На пути встречает свадьбу...*

– выдавил из себя сквозь вялые движения щетки Дима.

– К черту! – смачно плюнул он и вылез из ванной.

Нешустро растираясь полотенцем, он попытался представить, что бодр и дела у него идут отлично.

– Дима, тебя ничто не беспокоит, ты справляешься с любой ситуацией, – с трудом произнес он, пытаясь активизировать непослушный еще язык. – Ты выглядишь прекрасно, всем приятно видеть твоё выразительное умное лицо.

Упоминание о лице вызвало желание разглядеть его подробнее, и, презрев наставления тети Дуси, занимавшейся у него время от времени уборкой, он поелозил полотенцем по зеркалу.

– М-м-м... Кто это? – застонал Дима, увидев свое туманное отражение. – Да уж, сильно помогло... Как всегда.

Ну что тут скажешь? Морда явно с перепоя, выражение глаз тусклое и бессмысленное. Он в отчаянии потряс головой, мысленно успокаивая себя тем, что еще не пил чай. А уж после этого бодрящего напитка будет выглядеть как новенький. И всем окажется невдомек, как он провел свой вечер. И ночь? И ночь. И утро.

Если бы, войдя в комнату, он первым делом не надел часы, может быть, так все и получилось бы. Но этого уже не проверить, поскольку, нацепив часы и неизбежно взглянув на них, Дима понял, что чаю уже не попьет.

– Ну все! – безнадежно заорал он. – Сотрет в порошок!

Быстрее одеться. В чем он был вчера? Это не надевать. Чистая рубашка... Нужна чистая рубашка... Носки! Где носки?!

«Кошмар, кошмар!» – мысленно вопил он внутри. А снаружи пытался быть сдержанным и стремительным. Точно рассчитанными движениями натянул на себя одновременно брюки и галстук. Ну чуть не упал разок-другой, так это вовсе не потому... Просто потерял равновесие.

– Давай, давай, – подбадривал себя Дима, пытаясь попасть в рукав плаща, хватая при этом офисный портфель и сожалея, что не успеет проверить его содержимое. Зажав портфель между коленками, он постарался разом запереть дверь и нажать кнопку лифта.

– Газу! Газу! – крикнул он упрямому подъемнику, который по своей дурной привычке никак не ехал.

В лифте Дима, активно надувая щеки, восстанавливал сбившееся дыхание. «Поспешай медленно», – припомнилось ему.

– Хорошо вам, праздным римлянам, – хмыкнул он и набрал воздуха для следующего рывка – на улицу: добежать до перекрестка, вскинуть руку и всем своим видом (не забывать, чему учили на семинаре!) убедить проезжающих частников, что им непременно стоит остановиться. Развалившись наконец на заднем сиденье, он немного расслабился: один черт, теперь уже все зависит только от пробок. Посмотрел в зеркало заднего вида. Опять ужаснулся своему отражению и еще раз внушительно напомнил себе, что выглядит прекрасно и что у него полный порядок.

Вообще-то, раньше уговаривать себя не приходилось: Дима был доволен и собой, и своей судьбой. Даже непонятно, почему вдруг все изменилось. В который раз он перебирал события последнего времени. Вроде ничего плохого не произошло. Тогда нет причин для этой мерзкой тоски, которая поселилась внутри него, заставляя бузить и напиваться по вечерам. А днем быть апатичным и не слишком веселым.

И выглядел он всегда отлично: высокий и мускулистый, с волосами чуть большей длины, чем положено клеркам, немного растрепанный... Что, впрочем, выдавало в нем натуру тонкую, артистическую. Взгляд открытый и вдумчивый – сразу видно, человек без камня за пазухой, хоть и отягощен знаниями. Манеры раскованные, говорун – то есть душа любой компании. Необыкновенно везучий: ну просто о чем ни подумает – сразу само в руки валится. И – ясное дело – в силу всего вышперечисленного серьезно обременен женским вниманием. Впрочем, с этой трудностью он справлялся легко и непринужденно.

В фирму Дима пришел работать сразу после института. На карьере сильно не упирал, хоть и был честолюбив. Однако карьера – тоже ведь женщина, она сама вцепилась в него мертвой хваткой, и незаметно для себя он преодолевал ступеньку за ступенькой, пока месяца четыре назад не сделал ощутимый уже скачок, став главным менеджером отдела рекламы. В такой крупной фирме, как их, это уже топ-должность со всеми вытекающими: внушительной зарплатой, не сильно ограниченными представительскими, свободой действий и творчества.

Не это ли, однако, и стало причиной внутреннего кризиса? «Нет, не это, – упрямо твердил себе Дима. – Я к этому уже давно был готов». И он снова и снова повторял себе сокрушительные доводы, заключавшиеся в том, что и идей у него море, и перспективных клиентов наработал – хоть отбавляй, и переговоры провести – не его уже учить, и в ресторане потенциального партнера угостить умения хватит.

Тогда что же? Что?

– Фигня, – одернул себя Дима, – выкинь из головы.

Это было ошибкой: только попробуй скажи себе, что не будешь о чем-то думать, как мысли моментально пустятся вскачь именно на запретную тему. «Фигня» же заключалась в том, что главным менеджером отдела он стал слишком уж стремительно, после того как познакомился с дочкой одного из совладельцев компании Леночкой. Он, конечно, не ханжа и от подарков судьбы никогда не отказывался, но все же эта ситуация настораживала. И в особенности тот факт, что таилось в ней множество преимуществ. Тут уж, конечно, не скажешь, что дешево проданся, да в том-то и дело, что продаваться не хотелось вообще. Мысль эта до конца не формулировалась, но сидела занозой и отравляла привычную радость жизни.

Знакомство произошло совершенно случайно. В ночном клубе, куда он зашел вместе с бывшим однокурсником после деловой встречи, во время которой каждый из них представлял интересы своей компании. Дима был неутомим во всем – и в работе, и в отдыхе, и в... Короче, чем бы ни занимался, не знал удержу. Вот и в тот раз он отплясывал так, что завел весь зал. И все девушки были его, а однокурсник зеленел и скукоживался до тех пор, пока Дима не спохватился и не поделился малость выпавшим на его долю вниманием.

Выбирать было из чего, и Дима оставался в некоторой нерешительности, пока не оказалось, что выбор уже сделан. За него. Две очаровательные подружки на пике веселья окончательно бросили своих кавалеров и перепорхнули за Димин стол.

Леночка сказала:

– Вы обалденно обаятельный.

Формулировочка была еще та, и Дима ничуть не почувствовал себя польщенным. Такие заигрывания не вызвали у него никакого энтузиазма. Он небрежно кивнул и оглядел зал.

А Леночка, не дождавшись ответной реакции, на которую считала себя вправе рассчитывать, сказала:

– Вообще-то, я привыкла получать комплименты.

Дима обернулся немного раздосадованный. Яркая блондинка (бог их знает, крашенные они или какие), журнально-глянцевая до невзрачности, до полной потери собственного сознания. Стройняк, с личиком привычно не выражающим ничего, кроме: «посмотрите, какое я хорошенькое», и вся сверкающая. В буквальном смысле. На ней блестело и переливалось все, вплоть до чехольчика мобильного телефона. Мимо не пройдешь.

– Ваш блеск ослепляет, – сказал Дима, ничуть не покривив душой.

Леночка показала ровненькие беленькие зубки. В полутьме заведения почудилось, что и они сверкнули невообразимо.

– А еще я привыкла получать все, что мне нравится, – промурчала она, постукивая длинными яркими ногтями по стеклу стакана. Кисть ее руки переливалась разноцветными искрами.

Тут бы Диме насторожиться, а он вместо этого захохотал. Самоуверенная бесцеремонность девицы почему-то показалась ему забавной.

Леночка в ответ тоже пожурчала смехом и добавила:

– Не собираюсь дожидаться, когда вы определитесь. Потанцуем?

Какая-то секунда решает человеческую жизнь. Отринь тогда Дима это игривое и весьма недвусмысленное предложение, и все пошло бы по-другому. Но он поленился: к чему, если бриллиантовая рыбка сама попала на крючок? Бриллиантовая – в смысле ослепляющего антуража. Он тогда еще не знал, что... Короче, Дима не стал возражать, и таким образом была поставлена жирная точка на его свободе. Зато началась длинная полоса беззаботной жизни.

День теперь был расписан по минутам. И не только потому, что Дима много трудился и отдавал все силы ради процветания родной фирмы. Просто Леночка всегда находила чем его занять. Она серьезно взяла Диму в оборот и по части проведения досуга проявила себя как настоящий ас: регулярно таскала его во всевозможные злачные места или в убедительно отдыхающие компании. После чего он неизменно оказывался в ее постели. Дима и сам высоко оценивал свои мужские достоинства, но Леночка подняла его представления о себе на такой недостижимый пьедестал, что даже добилась легкого головокружения. Поначалу. Потому что чем дальше, тем больше новизна уходила, уступая место нетягостной, но все более осознаваемой обязанности.

Удивительно, но Диму, такого самостоятельного и независимого, совершенно не угнетало, что ему нигде, никогда и ни за что не приходилось платить. Сначала он спрашивал у Леночки, насколько это уместно, но потом перестал – так ловко и незаметно все устраивалось само собой. Даже непонятно было, кто оплачивает внушительные счета. Как-то он попытался порассуждать, уж не стал ли альфонсом, но врожденная интеллигентность и такт показали почему-то слишком обременительными. Мысль он не додумал и не стал по этому поводу расстраиваться, поскольку... было у него ощущение, что свое он все-таки честно отрабатывает. В том сокровенном месте, которое поднимает до небес и низвергает в бездну, которое способно сделать счастливым или потерянным, уверенным или несчастным – в женской постели.

Так, в постели, Дима однажды и узнал, что трудится не жалея живота своего на Леночкиного папу. Леночку это открытие почему-то привело в восторг. Она радостно воскликнула:

– Это судьба! Интересно, что она имела в виду?

Дима в первый раз действительно растерялся – как-то слишком по-голливудски получалось. Конечно, он не был Золушкой в штанах и его не подобрали на помойке в нищете и забве-

нии, но перспективы подобной связи оказывались слишком уж радужными. Яркими и сверкающими неземным блеском. Каким сияли Леночкины наряды.

Не тогда ли завелся в нем червь сомнения, который начал выгрызать внутри сантиметр за сантиметром? Или когда на него внезапно свалилась высокая должность? Но разве стоит пенять на то, что обстоятельства сложились удачно? Разве он не достоин такой беззаботной и веселой жизни? Таких перспектив и достатка? Разве не наплевать, что они приходят от женщины? Если любишь ее и хочешь с ней быть.

На дурацкие вопросы нельзя получить толковых ответов. Так что и не стоит их задавать. И мучиться ими, особенно как сегодня – с похмелья. Надо перестать дергаться, начать работать в нормальном режиме, опять бегать по утрам, читать, слушать любимую музыку... Короче, стать самим собой. Тогда все эти новые обстоятельства никак не повредят, а будут только радовать и увлекать заманчивыми возможностями.

Дима замер в надежде увидеть себя. Привычного. Веселого, удачливого, пробивного, интеллектуально отягощенного. Но этот знакомый облик неудержимо терял очертания и расплывался.

– Ничего, – утешительно покивал Дима. – Просто я не успел выпить чаю. Хорошего зеленого чаю, – почти простонал он. – Попью и все решу.

2

Коготок увяз...

Шлюхи с доставкой в офис. Есть на самый притязательный вкус. Цвет и размер по выбору. Цены варьируются. Предложение также действительно для корпоративных вечеринок и семейных праздников.

Из интернет-рассылки

Время в офисе неотвратимо двигалось к обеду. И предвкушение этого регулярного, но от того не менее приятного пункта в распорядке дня придавало сотрудникам энергии в осуществлении поставленных задач. Таких офисов тьма тьмушая по всему свету. Среди них есть большие и маленькие, более или менее современные, процветающие или влачащие жалкое существование. Но все это несущественная разница, потому что главное в них, как ни крути, – люди, а они на всех континентах одинаковы. И они, конечно, с удовольствием отдали бы все силы общему делу, но далеко не всегда видят в этом смысл. Отдельные личности, правда, рвут пупок, чтобы чего-то добиться, влекомые призрачным огоньком повышения по службе. Но повышения происходят не так часто и являются, безусловно, событием. А каждый день течет заболоченной рекой обычная рутинная работа, которая тем и хороша, что все в ней известно и не таит она никаких неожиданностей. И тем нехороша, что надоела до тошноты. И уж во всяком случае начальство не имеет никаких оснований рассчитывать, что один только факт получения зарплаты может заставить людей измениться, отказаться от собственных повседневных привычек и забот, чем бы они ни были – ссорой с супругом, жмущими туфлями, проблемой излишнего веса или любовью к лакированным журналам.

С утра не очень поспешно приходя в себя после дороги на работу и каждодневно постигая таинство начала рабочего дня, менеджеры, бухгалтеры, секретарши и прочие клерки всех мастей лишь незадолго перед обедом начинают проникаться важностью своего труда. И тогда что-то там такое закипает в общем котле фирменных проектов – все яростно курят, активно обсуждают детали и вносят в компьютеры найденные решения. А потом наступает обед. Это святое. Распорядок есть распорядок, плох он или хорош, не стоит его самовольно нарушать – отведенное на обед время тоже можно потратить с толком. Например, за собственным офисным столом, поедая домашние заготовки, экономя при этом – ого, если подсчитать за месяц – семейный бюджет и делая вид, что здесь нет фыркающих от запаха котлет и колбасы коллег. Или в буфете на первом этаже, прямо не выходя из здания, где удобно посплетничать и даже вовлечь коллег в обсуждение длинной цепи личных неурядиц. Те, кто побогаче и покреативнее, могут перекусить в кафе напротив. Там бизнес-ланчи не очень дороги и не так уж хороши, зато само нахождение вне офисных стен во время рабочего дня дарит великолепное ощущение свободы и собственной значимости.

После обеда некоторое время уходит на то, чтобы все съеденное улеглось. Кроме того, необходимо отдохнуть от кропотливого орудования столовыми приборами – особенно если была заказана рыба. Она не так дорога и, как утверждают, обладает полезными свойствами. Однако то, что называется филе, на вкус, как правило, бывает суховато, к тому же требует повышенной бдительности и адского терпения при удалении многочисленных костей. Впрочем, мясо не намного лучше – при его разрезании необходимо приложить определенные физические усилия. Это занятие вполне может заменить посещение тренажерного зала, и остается только сожалеть, что душевые в точках общественного питания не предусмотрены. Короче, после обеда требуется некоторая передышка, чтобы со свежими мозгами приступить к дальнейшей работе.

Усилия второй половины дня особенно многообещающи, поскольку неизбежно приближают к завершению трудов, и некоторое время до того, как должен пробить этот час икс, сотрудники тратят на его предвкушение, а также посвящают подготовке к низкому старту на выход.

Этот дивный биоритм рабочего дня был выработан давно и, как говорится, не здесь. В соответствии с ним приносили пользу еще старшие родственники нынешних рабочих лошадок – где бы они в свое время ни трудились. Ему подчинялись охотно и непринужденно – в силу его разумности, повсеместности, с уважением к традиции, выработанной предыдущими поколениями. Некоторая вполне ощутимая стадность офисной жизни также способствовала точному и неукоснительному следованию этому распорядку. Исключение составляли топ-менеджеры. Их свободный график труда, уровень зарплаты и вольность в отношениях с начальством вызывали всеобщее законное раздражение, являлись предметом самых оживленных обсуждений и безнадежного зачастую стремления попасть в число избранных.

Офис, в который всем телом стремился Дима, хоть и был из того же инкубаторского выводка, имел, тем не менее, некие индивидуальные черты. Последние нововведения Босса захватили и сферу дизайна. Свои идеи он позаимствовал в каком-то американском фильме, повествующем о неожиданном взлете захудалой фирмы. Поэтому сидели теперь сотрудники в одном огромном общем зале, отгороженные друг от друга перегородками матового стекла, дающими не столько ощущение отдельного существования, сколько порождая мысль о том, что за тобой подсматривают. Это побуждало к изворотливости – для продолжения занятий, не столь насущных для нужд фирмы, сколько для самого себя. Так, при определенной доле умения, можно было часами рыскать по Интернету в поисках распродажи нужной марки бытовой техники, новых мелодий для мобильного телефона, делать заказы на косметику в сетевых магазинах – конечно, с бесплатной доставкой по адресу, или обсуждать по «аське» с соседкой, сидящей за перегородкой, подробности последнего свидания. Можно было, наконец, читать, готовиться к сессии – то есть передирать из того же Интернета курсовые и дипломные, или тихо болтать по телефону с другом, работающим в подобного рода фирме на другом конце города.

Боссу эти перегородки казались весьма функциональным нововведением: они разграничивали отделы, позволяли перегруппировывать работников, создавать или расформировывать группы и подразделения, не тратя времени и средств на подготовку и создание новых помещений, а лишь переставляя подвижные стенки. Такое новшество, по мысли Босса, спланивало работников, объединенных общей задачей, позволяя им чувствовать локоть друг друга (это уже и в прямом смысле слова), создавало все условия для скорейшей и успешнейшей реализации текущих проектов. При этом одни группы и отделы не мешали своими переговорами и активным трудом другим группам и отделам, занятым тем же, но за означенными перегородками.

Топ-менеджеры и руководители имели, конечно, свои кабинеты. А всякие выдвиженцы или новые назначенцы, еще не вполне проявившие и зарекомендовавшие себя, типа Димы, считались не заслужившими пока отдельного кабинета. Зато получали персональные стеклянные закутки, территориально приближенные к руководимой ими группе товарищей.

Конечно, за таким хозяйством нужен глаз да глаз. Глазами являлись офис-менеджеры, усилия которых сосредотачивались на том, чтобы эффективность и производительность были наибольшими, а потери времени – наименьшими. «Глаза» Босса были настоящими цепными псами, ибо стараниями их руководила не столько забота о процветании фирмы, сколько рвение о собственном благополучии, приобретаемом путем продвижения вверх по карьерной лестнице. Эти обстоятельства развивали в них все качества, присущие подобным животным: острое зрение, чуткий слух, прекрасный нюх, злобные зубы, быстрые лапы...

И все же никто из них не мог сравниться с Тamarой Ивановной. По должности она являлась секретарем Босса, но на самом деле выполняемые ею функции были намного обширнее, сложнее и тоньше. Она не сидела в «предбаннике» у Босса, как большинство секретарей; ее

стол располагался в общем помещении, у самых дверей, ведущих в кабинет начальства. Таким образом, ее взору было открыто все поле действий. Ничто не могло от нее утаиться, никто не мог надеяться, что вышел из-под ее неусыпного контроля. И это только утраивало силы служащих в борьбе за свое личное время внутри рабочего, становилось темой особых фирменных шуток и предметом гордости удальцов, добившихся маленьких побед, которые вели к персональному процветанию.

Тут придется признать, что описание получилось несколько предвзятым. Сотрудники фирмы, видимо, все-таки небезуспешно роились вокруг важного и нужного дела, создавая действительно конкурентоспособные продукты и услуги, поскольку компания чем дальше, тем больше процветала, расширялась, укрупнялась и множилась. И уже принохивался к ней хищный иностранный нос, подумывая – а не вложить ли денюжки в столь стремительно развивающееся дело.

Итак, время шло к блаженному обеденному часу. – Всем привет! – как можно более радостно воскликнул Дима, вбежав в офис в распахнутом плаще и сбитом набок галстук, стараясь показать, что и его рабочий день уже продолжается и лишь серьезные заботы не позволили ему с самого утра присоединиться к трудившимся здесь коллегам. Димино появление вызывало у присутствующих лишь слабое оживление. Если бы они увидели его в таком виде впервые – тогда дело другое. А так – всего только лишний повод перекинуться словцом с соседом. Женщины постарше, сурово кивнув ему, глянули затем друг на друга и укоризненно покачали головами; девушки слегка перешепнулись, мужчины понимающе подмигнули и, радостно ослабившись его принадлежности к их тайному мужскому братству, показали исподтишка большой палец. Краем глаза Дима видел это шебуршение и, хоть ему было совсем не до того, сделал для себя кое-какие заметки. Он старался держаться, несмотря на свое тяжелое состояние, вымученно улыбался и невпопад кивал на приветствия.

– Держись, – понимающе подмигнул Смирнов, не дурак выпить и ходок.

Такая поддержка уже неприятна. Но не слишком тихий шепот офисных красавиц был еще откровеннее:

– Уже второй раз на этой неделе... – Ага... Если не считать того раза, когда...

– Да ему в последнее время прямо вожжа под хвост попала. Просто с жиру бесится. – Я бы не отказалась с ним побеситься! – Помечтай...

– Красавчика уже прибрали к рукам.

– Вот именно! Благодаря этой своей фифочке он скоро так взлетит... Тебе и на цыпочках не дотянуться...

Неутешительный вывод напрашивался сам собой: с тех пор как он стал главным менеджером отдела и получил свой личный закуток, любви к нему у служащих поубавилось. По крайней мере, такого количества кислых мин раньше он при своем появлении в офисе не замечал.

Противно еще и то, что все откуда-то знали о его связи с Леночкой. И о том, кто такая Леночка, что, кстати, странно, ведь сам-то он совсем недавно даже не подозревал о ее существовании. Просто удивительно – она ни с кем из сотрудников не общалась. Правда, отнюдь не скрывала степень близости их отношений и высокую заинтересованность в его персоне. Но они-то как узнали?

Вообще, как народонаселение узнает новости, которые ему никогда не сообщали? С невероятной достоверностью вам растолкуют об отставках и назначениях на самом вершине власти еще до того, как они произойдут.

На вопрос, откуда это известно, ответят не задумываясь: «Так все уже знают». Этот же источник назовут и при рассказе о событиях из жизни звезд, собственного руководства и соседей по даче: кто что подарил, кто у кого родился, кто сколько заработал и где дебоширил. Поразительная осведомленность проистекает будто из воздуха и по причине своей исключительной важности питает умы и услаждает души.

В принципе, ему наплевать, что говорят и думают о нем люди. Он крепко стоит на собственных ногах и не желает, чтобы ему навязывали мерзопакостное чувство, будто он стал человеком, строящим свою карьеру в постели. Одни осуждают, другие завидуют, третьи считают счастливым. И, кажется, каждый хотел бы оказаться на его месте. Эти мелкие крысочки телодвижения вокруг вызывают ощущение нечистоплотности, сильно нагнетая нервозность, и без того одолевшую. Потому что он все время теперь опаздывает и ничего не успевает.

Ох уж эти святоши с праведными взглядами и постными лицами, держащие себя в рамках и живущие по нормам. Выпади случай им, они не преминули бы ухватиться за него мертвой хваткой, умело сохраняя все то же выражение благолепия на лице.

Дима старался не смотреть в ту сторону, где за своим столом незыблемой скалой возвышалась Тамара Ивановна. Конечно, она его давно уже заметила. И стоит ли надеяться, что можно проскользнуть к своему месту, минуя ее... А надо. Очень надо. Потому что, если сейчас не глотнуть чего-нибудь – все, кранты.

Как из-под земли выскочила Таня. Эта милая нелепая девушка с влюбленными глазами всегда печется о том, чтобы у него все было хорошо. А он, насколько хватает терпения, позволяет ей заботиться о себе. Все равно нет никакой возможности умерить ее пыл по созданию для него режима наибольшего комфорта на рабочем месте. Как она это понимает. Впрочем, зная, что небезразличен девушкам и женщинам разных возрастов и мастей, он считал довольно естественным и тот факт, что его сотрудница стремится поддерживать на должном уровне реноме своего шефа.

– Дима, ты ужасно опоздал, Босс бесится, – испуганно прошептала Таня, пытаясь на ходу поправить на нем хоть что-нибудь, поскольку весь его облик с головой выдавал человека, бурно прошедшего ночь, а потому неспособного справиться с утром. – Бешенство – нормальное состояние современного мужчины, – покровительственно бросил ей Дима.

Таня семенила за ним с испуганным выражением лица. Проходы между рабочими местами были не настолько широкими, чтобы двое свободно могли двигаться по ним одновременно, поэтому, стараясь быть рядом, она неизменно сшибала со столов, мимо которых они следовали, все, что находилось ближе к краю. И поскольку довольно часто взмахивала руками в тщетной надежде еще как-то улучшить облик обожаемого начальника, то разрушения, которые она оставляла позади себя, были просто невообразимыми. На пол летели стопки подготовленных бумаг, пластмассовые контейнеры с чистыми листами, офисные подставки для ручек со всем их содержимым – скрепками, кнопками, ластиками, карандашами...

– Ну сколько можно?! – кричали вслед сотрудники.

– Дуреха чертова! – Да надоело уже!

– Э! А поднимать кто будет? Куда пошла?!

– Глиста в обмороке...

Их можно понять. Каждый день ползать под столом, собирая раскиданные канцелярские принадлежности, будучи в предпенсионном возрасте и даже просто в мини юбке или с изысканным макияжем, это полнейший афронт. Но по опыту они знали, что Таня все равно не вернется и не соберет. Она только рассеяно оглядывалась, догадываясь, что там, позади, какой-то непорядок, но не особенно связывала его с собой. Целеустремленному человеку некогда задумываться о том, что он является причиной разрушений или что его движение по офису сродни урагану в мелочной лавке.

– Остановись хоть на минуту, – бормотала Таня, стараясь поспевать за Димой. – У тебя все сбилось... погоди, я хоть поправлю!

Высовываясь из-за его плеча, она пыталась вернуть на место съехавший набор галстук: нельзя было допустить, чтобы Дима в таком виде предстал перед Боссом.

Но Диму такие мелочи не волновали. Он продолжал чувствовать себя на высоте. Конечно – жуткая вялость во всем теле, конечно – опоздал, но со стороны это все должно было смот-

реться иначе: вот стремительно и уверенно идет по офису молодой успешный менеджер, все у него в порядке, и его ждут великие дела. Так что Тане он только небрежно бросил:

– Все вопросы к моему имиджмейкеру.

Таня, которая явно одевалась без помощи имиджмейкера, приняла эти слова на свой счет, как часто случается с неуверенными в себе людьми. Украдкой она глянула на слегка потрепанные офисные туфли, на все остальное, столь же невзрачное, что было над ними, но времени на размышления по поводу увиденного не было. И она пустилась нагонять те несколько шагов, что отделили ее от Димы, нанося еще большие разрушения и столам, и самим сотрудникам, оказавшимся в зоне ее движения.

Всю эту нелепую суету с удовольствием наблюдал Андрей. Будучи заместителем новоиспеченного начальника, он испытывал двойственные чувства. С одной стороны, Димина беспечность и загулы отрицательно сказывались на работе отдела, который могли просто расформировать. Тогда карьера самого Андрея могла оказаться под большим вопросом – неизвестно еще, куда его сунут в спешке пертурбаций. С другой стороны, отрицательное отношение к Диме способно было вывести его, Андрея, из тени, как человека, на котором на самом-то деле и держится вся работа и который реально руководит отделом, в отличие от беспечного главного менеджера. Тогда могла выпасть счастливая карта и вождеденный карьерный шаг вверх мог стать реальностью.

Вообще-то, Андрей и Дима считались приятелями, так что мелкие подводные действия, которые производил заместитель, всегда облекались в форму заботы о слегка зарвавшемся, но все же друге. А то, что он подчеркивал при этом свое участие и значительную роль, хоть и воспринималось сотрудниками с легкой иронией, но все же казалось чем-то естественным и неизбежным. Что ж, сам себя не похвалишь, так и будешь ходить...

В этот день, как, впрочем, уже не раз бывало, Андрей напряженно ждал прихода Димы на работу. Слегка поддержать руководителя – вдруг все же удержится на своем месте и карьере придется делать под ним – мелкие услуги часто помнятся крепче больших и серьезных. При этом своевременно продемонстрировать тем, кто повыше, собственную безупречность – чтобы не осталась незамеченной, чтобы вспомнили в нужную минуту.

Вот какова была сложная задача, которую Андрей успешно решал без особого труда со своей стороны. Есть такие отдельные особенные люди, интуиция которых безукоризненно обнаруживает слабости и мелкие недостатки ближних. Умело подчеркнутые собственные неотразимые достоинства на этом фоне выглядят особенно выпукло. Сомнений в этичности и правомерности таких действий у подобного рода персонажей не возникает, поэтому окружающие неизменно пребывают в ощущении их реального превосходства и отчетливой правильности поступков.

Увидев Диму и оценив его состояние, Андрей слегка усмехнулся, опустив при этом глаза, чтобы, если вдруг кто глянет на него, ни о чем таком и не подумал: просто улыбнулся человек каким-то своим незатейливым мыслям.

Выдвинув ящик стола, Андрей достал оттуда бутылку минералки, не торопясь отвинтил крышку и сделал небольшой глоток, продолжая следить глазами за Димой и улыбаясь уже в открытую. Наглую улыбку человека, пьющего из горлышка, вполне можно принять за растянутые губы. Сделав еще глоточек, Андрей двинулся к столу Тамары Ивановны – этому командному пункту, этому узлу пересечения офисных дорог, этому источнику информации, из которого черпает Босс.

– Ц-ц-ц, – смачно прицокивал Андрей, щуря глаз и отпивая по чуть-чуть из бутылки, чтобы ни у кого не создалось впечатления, что и бутылку эту он приготовил специально для Димы и здесь, у стола секретаря, оказался не случайно.

А Дима с семенящей за ним Таней двигался мимо этого опасного места столь сосредоточенно, что не замечал ни Андрея, ни восседавшей на своем посту Тамары Ивановны. Дима

рассекал воздух, как человек целеустремленный, бесконечно ценящий время и не желающий потерять ни одной секунды своей жизни. И все они, эти секунды, были явно подчинены единственной задаче, неразрывно связывающей его, Димину, деятельность и процветание родной фирмы.

– Дима... – чуть иронично и слегка протяжно произнесла Тамара Ивановна, с тайным удовольствием наблюдавшая за его движением. Как излишек воды обронила из переполненного ведра обратно в колодец. Гулко, далеко и смачно раздался звук.

– А? Здравствуйте, Тамара Ивановна, – рассеянно обернулся Дима, всецело поглощенный трудовыми заботами.

– Хорош, – насмешливо оглядела его с ног до головы строгая дама.

– Что, заметно? – бормотнул Дима, вмиг сдавая свои позиции, но все же стараясь бодриться.

– Нет, совсем незаметно, – саркастически ответила секретарша. – Павел Иванович хотел тебя видеть.

– Прямо сейчас? – в ужасе воскликнул Дима, уже даже не пытаясь создавать видимость полднего бодрячка.

– Откладывать не советую.

– М-м-м... – Дима словно и сам, вместе со своим портфелем, опустился на стол. Портфель встал на идеальную стопку подготовленных на подпись бумаг, разметав их выровненные края. Тамара Ивановна состроила недовольную гримасу. Дима этого, конечно, не заметил.

– Бывают же везунчики, которым все сходит с рук... – произнес Андрей, выходя вперед и изображая улыбку дружеского участия. – На, глотни, – широким жестом протянул он слегка отпитую бутылку.

– О, друг! – проямлил Дима. Андрей с довольным видом взглянул на всех, кто находился поблизости: слышали, что было сказано? Конечно, друг. Кто же еще может оказаться рядом с человеком в трудную минуту...

– М-а-а, – нечленораздельно булькал Дима, припав к минералке. – Старик, ты меня просто спасаешь, – сказал он уже более осознанно, отдавая пустую бутылку.

– Да? И притом, заметь, не в первый раз, – чуть более ядовито, чем следовало, проговорил Андрей, не желавший, чтобы фраза про спасение осталась без внимания окружающих.

Тут возникла легкая пикировка, как это водится между друзьями, которые знают, что говорят полуправду и слегка играют на публику. Дима уже не только мог себе это позволить: ему было просто необходимо размяться, перед тем как зайти в кабинет Босса.

– На то ты и заместитель, чтобы принимать удары на себя, – небрежно возразил он.

– Да. Только почему-то вся игра в одни ворота.

– Ну, старик, это уже судьба.

– Вот именно: мне удары, а тебе – улыбки судьбы.

– Не ворчи, сочтемся, – добродушно ответил Дима.

– Сочтемся, сочтемся... – Андрей хотел оставить за собой последнее слово.

– Дима, – тихонько позвала Таня, вынимая у него из рук скинутый плащ.

– Да, – ответил он, делая строгое лицо и снимая наконец свой портфель со стола Тамары Ивановны.

Та облегченно вздохнула и тут же принялась выравнивать края сбившейся стопки листов, одновременно зорко оглядывая из-под Диминой руки зал.

– Иди уже, – несколько по-домашнему произнесла секретарша, пряча невольную улыбку даже от себя самой.

– Иду, – сказал Дима, не двигаясь с места.

– Иди... – с трудом удерживая хохоток и стараясь не глядеть на Димино потерянное лицо, повторила Тамара Ивановна.

Андрей с неудовольствием отметил для себя теплые нотки, прозвучавшие в голосе цепного пса Босса.

Дима отбил пальцами дробь на мягком кожаном боку портфеля и сделал довольно решительный шаг к страшной двери. «Убьет», – сказал он сам себе и оглянулся, ища пути к отступлению.

Некоторые сотрудники – те, у которых в поле зрения могла находиться дверь Босса, – следили за ним с явным удовольствием. Тогда он гордо выпрямил спину и постучал. Ответа не последовало, и после некоторой паузы он потянул на себя тяжелую створку.

Босс сидел над своими бумагами, не поднимая головы.

– Здравствуйте, Павел Иванович, – бодренько проговорил Дима.

– Ну... – тяжело двинулась бульдожья челюсть серьезно занятого человека.

– Извините, что не сразу зашел, Павел Иванович, доделывал буклет, – с невероятным оптимизмом проговорил Дима. – Получается – просто загляденье. Расценки на рекламу подкорректировали, сегодня разошлем. С типографиями договорился, сделают нам хорошую скидку.

– Совсем зарвался! – хлопнув рукой по столу, заорал вдруг Босс. Видно, он ждал, когда придет время сделать это, и накопил к нужному моменту немало сил. Дима слегка вздрогнул, но вида не подал, даже оптимистическую улыбку не убрал с лица.

– Пять лет я растил тебя! – ходила вверх-вниз бульдожья челюсть. – От простого мальчишки до начальника отдела!

– Я всегда... с благодарностью... особенно когда поливали... – невольно вырвался у Димы ошметок природного чувства юмора.

– Ты знаешь, что мы терпим убытки?! – становясь пунцовым, рявкнул Босс. – Мне это надоело! Ясно? За последние два месяца ты не сделал вообще ничего!

– Непреодолимые обстоятельства... – удрученно развел руками Дима, намереваясь тут же разъяснить свою туманную мысль.

– Ты – мое непреодолимое обстоятельство! – продолжал греметь Босс. – Но я тебя преодолею! – Голос его наверняка был слышен тем, кто находился за дверью. Дима, не имея возможности прервать начальственный гром, с ужасом ждал слов, которые последуют дальше.

– И шашни твои не помогут, – прогрохотал Босс. – Ты понял? Не помогут тебе твои шашни!

– Павел Иванович... я никогда бы не стал... – начал Дима, выпятив от обиды нижнюю губу.

Тане не было слышно, что отвечал Дима, но то, что кричал Босс... Конечно, она все знала. Но такое грубое слово – шашни. Зачем он? Девичье сердце сжалось от тоски, каблук подвернулся, и нога косточкой приземлилась на пол. Таня машинально исправила этот перекосяк, вернув ногу в исходное положение, на каблук.

– Чего стоишь? Иди работать, – зло сказал Андрей, глядя на подавшающую всей своей хрупкой фигуркой в сторону двери и умоляюще сложившую руки на груди Таню.

– Сейчас пойду, – испуганно ответила Таня, продолжая стоять столбом.

– Не забывай, я тоже твой начальник, – удовлетворенно произнес Андрей, уже по-иному, оценивающе, глядя на вытянутую вперед тонкую шейку.

– Знаю, – не сдавалась Таня.

– Из-за меня, небось, не стояла бы, – Андрей перевел взгляд на Тамару Ивановну, пытаясь в очередной раз понять, чем же это Дима вызывает такое благодушие у окружающих.

А Босс продолжал греметь, и голос его давил Диме на мозги гораздо больше, чем сами слова.

– Да? – клацнул челюстью Босс. – Чистенький, значит? А как тогда прикажешь понимать, что стоило тебе... Как бы это сказать... – Босс хлопнул ладонью по столу в раздражении, что

вынужден подбирать выражения, говоря о дочери хозяина. – Стоило тебе углубиться в отношения с дочкой совладельца компании, как ты просто забросил работу.

Дима покрутил в руках портфель. Ему вовсе не хотелось вступать в обсуждения этой стороны своей жизни. Он был настолько беспечен, что извлекать выгоду из своего нового положения не умел, и до сих пор настолько уверен в себе, что не сомневался – пронесет. Но увести от опасной темы все-таки стоило попытаться.

– Это здесь ни при чем, – сказал Дима понуро, не потому, что чувствовал свою вину, а потому, что говорить ему все еще было немного затруднительно, даже после прохладной минералки. – И я не забросил. Просто у меня спад...

– Что у тебя? Спад? – делано захохотал Босс. – Уверен, что только по линии работы. Иначе бы ты долго не продержался.

Это уже явно был удар ниже пояса. И у Димы даже хватило сил рассердиться.

– Ладно, я понял, всех достают мои личные отношения. Но я сам ничего не афишировал, и вообще – это мое дело. И к работе никакого отношения... У меня просто... пересмотр ценностей.

– Что-что? – Босс слегка оторопел. В его жизненной практике такие категории не фигурировали.

– По крайней мере, я так это называю, – смягчил немного Дима свою формулировку. – Павел Иванович, вы же знаете, что вы для меня... больше чем начальник. Вы меня действительно... и я... – Дима запнулся.

Говоря это, он не слишком кривил душой. Характер у Босса был и правда невыносимый, и с радостным трепетом воспринимать его могла только Тамара Ивановна. Но благодаря этому человеку Дима не только задержался на фирме, но и сделал свои первые карьерные шаги. Вообще-то, Босс терпеть не мог таких самоуверенных, расхлябанных и иронично настроенных молодых людей, каковым являлся Дима. И почему он за грубостью и криком скрывал явную приязнь к этому взъерошенному нахалу, для многих оставалось тайной. Почему он продвигал его и выручал в некоторых сложных ситуациях?

Босс и сам не смог бы внятно объяснить, а между тем причина лежала на поверхности: он всегда хотел иметь сына. И, скорее всего, этот предполагаемый сын мог носить черты, присущие Диме – жизнерадостность, профессионализм, цепкость ума, здоровое мужское обаяние. То есть то, что Босс считал лучшим в себе, не ограничивая, конечно, собственный парадный портрет только этими качествами и все же почитая их вполне достаточными для молодого человека, которому было бы не страшно передать свое дело. Но сына у него не случилось. Случилась только дочь, взрослая уже женщина, обремененная в настоящий момент двумя дочками-студентками и безвольным мужем – сотрудником научного института. Как Босс ни тащил всю эту семейку, казалось, что те упирались двумя ногами, не желая приблизиться к успеху и благополучию ни на шаг. Это было тайной болью Босса, его, можно сказать, ахиллесовой пятой жизни.

Павел Иванович встал, не в силах удержать бьющую через край энергию, находясь в сидячем положении, и начал расхаживать по кабинету. Нельзя предоставлять этого нахала самому себе, он неизбежно собьется с пути. И, преодолевая свою вспыльчивость, Босс попытался разобраться.

– Ну, хорошо. Объясни тогда, что все это значит, – чуть мягче голосом, сказал он.

– Не знаю. Все как-то уж слишком хорошо, что ли. Работа, карьера... Перспективы вот тут... открываются. – Дима мог позволить себе быть откровенным. По опыту он знал, что это лучший способ расположить к себе Босса. К тому же рассказать кому-то о своей проблеме порой означает прояснить ситуацию для самого себя. – Понимаете, Павел Иванович, я вроде как получаю шанс... а ощущение такое, будто что-то потерял. Что-то очень важное. Но что – не пойму.

Стоявшие за мощной дверью Босса поняли, что разговор перешел в спокойную фазу. Ждать и подслушивать уже не имело смысла: ничего не доносилось из кабинета. Да и Тамара Ивановна усиленно гнала их, возмущенная явным нарушением трудовой дисциплины. А как еще можно назвать неслужебное использование рабочего времени, тем более проводимого под дверью начальства, в надежде узнать нечто такое, чего знать не положено?

Таня понуро поплелась к своему компьютеру, Андрей недовольно повертел головой и направился в курилку. «Почему ему опять все сошло с рук? – разочарованно думал он. – Ведь сегодня...» И так далее и тому подобное – бесконечные вариации размышлений о том, что никак не поддавалось его разумению.

А ведь он должен, должен понять логику начальства, для того хотя бы, чтобы в будущем использовать ее в своих интересах. Однако, когда дело касалось Димы, логика у начальства каждый раз пропадала: он не просто выходил из любого дурацкого положения сухим, но умудрялся даже усилить расположение к себе. Это обескураживало.

Босс присел и повелительным движением руки велел Диме сделать то же. Произносимое этим талантливым охламоном было совершенно непонятно, но опять располагало помочь. Ну обалдел парень от привалившего счастья, очень может быть. И ссориться с ним не надо. Действительно ведь может взлететь. Леночка девушка взбалмошная, но отец так ее обожает, что любые прихоти... Короче, выходило, что желание в очередной раз помочь Диме вполне совпадало с представлениями о том, как надо строить свои отношения с владельцами такой крупной компании.

– Вот и разбирайся, – сказал Босс, глядя исподлобья. – Со всеми бывает. Скажем... момент роста. Но не в ущерб работе! – перешел он на тон выше, показывая, что разгильдяйства не потерпит в любом случае – с дочкой хозяина или без.

– Я понял, – с облегчением сказал Дима. – Все будет нормально.

– Ладно... Это все. Докладывать каждый день. Свободен.

Дима встал и поплелся к двери. Гроза миновала. А свои внутренние метания он и не мог надеяться развеять в этом вот кабинете. На душе было тоскливо.

Увидев понурую Димину спину, Павел Иванович совсем расстроился. Она, эта спина, означала, что тема не снята, что Дима так и остался один на один со своим искусом, не зная, что делать дальше. Такую ситуацию нельзя было пускать на самотек. Нерешенная проблема – тысяча новых проблем. Павла Ивановича вдруг осенило. Он стал быстро писать на листочке.

– Подойди сюда, – сказал он Диме.

Тот нехотя обернулся и не очень уверенно подошел к столу. Что там еще может быть? Вовсе уже ничего не нужно. Только пойти и выпить крепкого чаю. Босс протянул ему свою записку:

– На. Позвонишь и пойдешь завтра же.

– Что это? – Дима тупо смотрел на листочек с телефоном и именем под ним, написанными неразборчивым мужским почерком.

– Телефон психоаналитика. Самый современный способ прийти в себя.

Дима слабо охнул. Только этого еще не хватало. Пристрастие Босса к разного рода психологическим штучкам и вывертам было известно всем, но теперь это выходило за рамки коллективных упражнений и приобретало форму персонального воздействия. В таком случае отбрыкаться особенно трудно.

– Что вы, Павел Иванович, – заблеял Дима, понимая, что, если не отбиться на первом этапе, потом пропадешь окончательно. – Вы, конечно, всегда... все самое современное. Но я уж лучше сам. Я как-то не доверяю...

– Зато я доверяю, – безапелляционно заявил Босс, поставив таким образом точку в разговоре. Дима продолжал стоять в нерешительности. Серьезные аргументы «против» никак не приходили в плохо работающую голову.

– Ну? – клацнул челюстью Босс. Это могло стать началом новой грозы.

– Да все это сплошная профанация! – воскликнул в отчаянии Дима.

– Что значит – профанация? Откуда ты знаешь? Ты пробовал?

– И не хочу...

– А вот моя жена, Марья Павловна, она... говорит, что ей очень... в общем, хорошо помогает. И специалист этот – отменный... по всем рекомендациям.

Жену Босса, Марью Павловну, Дима знал – приходилось и в дом к ним заезжать, и на банкетах встречаться. Женщиной она была не менее властной, чем сам Босс, так что первое время после знакомства сильно удивляло – как это два столь склонных к диктаторству и не терпящих возражений человека могут уживаться под одной крышей. И только постепенно пришло осознание того простого факта, что дома Павел Иванович наверняка был мягким и уступчивым – там властвовала его жена. А он отыгрывался на работе. Когда начались все эти психологические нововведения, большинство сотрудников, видевших хоть раз Марью Павловну, сошлись во мнении, что в этом деле – она голова. И, значит, сопротивляться совершенно бесполезно – ни логические доводы, ни общий протест ни к чему не приведут. Следуя воле жены, Босс будет идти до конца.

А значит, и в этом случае выходило, что дело абсолютно безнадежно. И все же Дима предпринял еще одну вялую попытку:

– Я, может, сам... почитаю что-нибудь...

– Так, это решено! – нетерпеливо бросил Босс. – Выхода у тебя все равно нет. По данному вопросу тоже будешь отчитываться.

Дима взъерошил и без того растрепанные волосы и, с тоской глядя в листок, вышел из кабинета.

3

...всей птичке пропасть

Замучили проблемы? Головные боли по утрам и сухость во рту на рабочем месте? Изящные и практичные пластиковые разделители для классификации документов внутри папок избавят вас от этого навсегда. Стандартная перфорация, совместимая со всеми случаями жизни.

*Попробуйте также нашу шариковую ручку с вечным пером.
Из рекламы канцелярских принадлежностей*

Попав в свой отдельный закуток и сев за стол, Дима обхватил голову, в ужасе глядя на кучу бумаг, которые ему предстояло проработать.

Таня ждала этой секунды и была к ней уже готова.

– Кофе? – робко спросила она, подходя с дымящимся напитком в руках.

Дима с тоской посмотрел на надвигавшуюся на него чашку. Он так и не научился любить кофе и почему-то считал это слабостью, недостойной мужчины. Именно поэтому и произнес свою неизменную фразу:

– О, кофе! Это же настоящий бальзам для измученной души!

Когда-то он предпочитал крепкий черный чай, а с некоторых пор – тоже крепкий, но зеленый. Этот напиток все внутри у него как-то ставил на свои места: и мозги быстро прочищались, и жизненный тонус появлялся. Но сказать об этом он не решался, думая, что его посчитают ребенком – ну что это такое, чай. Или хуже того – сочтут больным, поскольку именно им требовались чудодейственные свойства бледно-желтого напитка. А растворимый офисный кофе вообще приводил его в ужас – отвратительное пойло с искусственным запахом.

Именно этот «милый» аромат и ударил в нос. Дима застонал. Таня с беспокойством подняла на него глаза, отвлекшись от чашки, на которую до того неотрывно смотрела. Этого, конечно, не стоило делать. Каблук на следующем шаге у нее подвернулся, и добрая половина кофе выплеснулась на бумаги.

– Ой, прости, Дима...

– Спасибо... – угрюмо ответил он, пытаясь стряхнуть разлившуюся жидкость с бумаг и со стола и внутренне радуясь хотя бы тому, что эта чашка все-таки прошла мимо него.

Таня поставила опустошенную посудину на какую-то стопку бумаг, по которым немедленно расплылось бесформенное пятно коричневого цвета, и бросилась Диме на помощь. Папки и бумаги сразу же полетели на пол.

– Таня, от тебя всегда происходят страшные разрушения, – промычал Дима, с унынием думая, что сейчас ему придется опуститься на пол и все это подбирать.

Таня сама кинулась собирать упавшее. Роняя и поднимая снова, окончательно перепутывала последовательность страниц и стопки, которые были когда-то разложены ее же заботливыми руками.

– Что Босс? Ругался? – сидя на корточках, робко подняла она на Диму глаза.

– Наш Босс, Танечка, святой человек, – поучительно заметил тот.

– Я знаю. Но он всегда так кричит, что я жутко пугаюсь.

– Кричит он здорово, твоя правда. Но все здесь вертится только потому, что он знает, как это сделать. Запомни, пожалуйста.

– Я запомню, – выражая особое почтение к Боссу, приподнялась Танечка. Стопки, собранные у нее на коленях опять съехали на пол. Она слабо охнула.

– Нормально, – не слишком оптимистично произнес Дима, поспешно вынимая у нее из рук все, что там находилось. Если ее немедленно не удалить отсюда, то до вечера придется

заниматься разбиранием бумаг. – Распечатай мне макеты и данные по новым клиентам. Пусть принесут сверку за последний месяц.

Таня нерешительно встала. Не давая ей времени опомниться, Дима поспешно добавил:

– Подготовьте там отчет по СМИ, и вызови авторскую группу по телерекламе. – Дима немного даже залюбовался сам собой: компетентный деловой руководитель. Это как раз тот имидж, который он и хотел бы укрепить в сознании подчиненных.

Под таким напором Таня слегка покачнулась. Это могло грозить новыми разрушениями. Телефонный звонок раздался очень кстати. Дима положил одну руку на трубку, а другой махнул на Таню, и ей уже ничего не оставалось, как только удалиться.

– Слушаю, – четко проговорил Дима в телефонную трубку. – Рад вашему звонку, сегодня сам собирался звонить. – Он был уже в образе. Говорил уверенно и напористо. Все сроки давно прошли, и нельзя было дать клиенту опомниться. – Да, проект готов. Давайте в начале следующей недели созвонимся и сразу назначим время встречи. Приятно было вас услышать.

Дима положил трубку и пробормотал: – Что готово? Ничего не готово.

Он попытался навести порядок в бумагах. Таня перепутала все. Из лучших побуждений, конечно. Просто поднимала их с пола, чтобы ему не наклоняться. Пораскладывая какое-то время, Дима обреченно вздохнул – не в его состоянии заниматься такой кропотливой работой. Это должен сделать кто-то другой. К счастью, опять раздался телефонный звонок, отвлекая от муторного дела.

– Слушаю, – отчеканил Дима. – Так. И на сколько?

Вошла, вихляя бедрами, первая красавица отдела Наталья. Дима смотрел строго. Ну и что? Конечно, его захомотала эта блондинистая, дочка шишки. Но почему бы не попробовать? Длинные ноги, обтянутые черными колготками, юбка клюквенного цвета, плотно облегающая бедра, а бирюзовая кофточка – небольшую упругую грудь... Какая уважающая себя женщина не постарается присвоить себе то, что ей пока не принадлежит?

– Это отчеты, а заодно сверка, – с придыханием сказала она, кладя перед ним бумаги.

– Нет, это не годится, – уперев палец в стол, веско произнес Дима.

Фраза на какой-то момент сбила девушку с ритма, на лице ее появилось мучительное раздумье: что не так? Не сыграло сочетание клюквенного и бирюзового? Или каблук у нее не на высоте? Заносчиво дернувшееся плечо показало неуместность всех этих сомнений: упрек относился вовсе не к ней, а к собеседнику на другом конце провода. Ей он только кивнул, а потом махнул рукой: мол, понял, оставь. Она еще какое-то время постояла рядом, чтобы ее ноги чуть ниже уровня Диминых глаз и духи «Опиум» зафиксировались в его сознании. Но Диме было не до того. Это ее не смутило – она всегда здесь, рядом. И сколько раз за день она к нему еще зайдет...

Покачивая бедрами и свободно отпустив плечи, Наталья удалялась. Упертый в нее взгляд Димы, который она, безусловно, чувствовала и интерпретировала самым выгодным для себя образом, на самом деле был совершенно механическим, потому что разговор в этот момент продолжался на повышенных тонах.

– А я говорю – это никуда не годится! – жестко давил Дима. – Мы вам не позволим увеличивать расходы. По телефону обсуждать не буду, приезжайте в офис. Все!

Повесив трубку, Дима так и застыл на этом движении. Он с раздражением подумал о том, что действительно все сильно запустил и теперь придется наваливаться и форсировать. Этого совсем не хотелось. Раньше работа почему-то увлекала, любые задачи, особенно сложные, вызвали прилив энтузиазма, стремление их решить, и не просто так – в кратчайшие сроки. Чтобы все только ахали и всплескивали руками: «И как это у него получается? Такой продвинутый. И энергичный. Очень талантливый молодой человек!»

Куда это все делось? Почему ничего не хочется? Ни показывать себя, ни наслаждаться решением нерешаемых проблем. Дима посмотрел на неловко сложенную после падения гору документов на своем столе. От неотвратимого тоскливо сжалось сердце.

Он решил, что пора отдышаться. Ну невозможно от человека, который еле проснулся, ожидать, что он тут же начнет скакать галопом. Нужно иметь хоть какое-то сочувствие – последнее размышление равным образом относилось и к окружающим, и к себе самому. На этой сострадательной, можно сказать, душевной ноте, которая несла с собой некое успокоение, Дима был безжалостно прерван вошедшим Смирновым. И у этого в руках были бумаги. Дима застонал почти вслух. Смирнов, однако, ничего не заметил и, ослабившись в радостной ухмылке, сообщил:

– Дима, это распечатанные макеты. Ты сказал, срочно – так вот тебе. Ха-ха, мы тут не прохлаждались! – Это, конечно, был намек, но рассматривать его можно также как похвальбу результатами проделанной работы. – Кое-что еще я забросил тебе в компьютер, – почему-то заговорщически добавил Смирнов.

«Что он имеет в виду? – мучительно подумал Дима. – Что он там забросил?»

– Так будет удобнее смотреть.

– Ладно, позови художников, – сказал Дима, изображая руководителя. – У меня есть кое-какие идеи, – не взглянув на бумаги, добавил он.

Когда Смирнов вышел, Дима сжал виски:

– Идеи... У меня наверняка должны быть какие-то идеи. Раньше ведь были.

Сжатие висков не дало никакого результата. Требовалось что-то более радикальное. Радикального под рукой не оказалось.

В туалете он слегка расслабился – и в прямом и в переносном смысле этого слова. Обильно умыл лицо холодной водой, взглянул в зеркало. Оттуда на него смотрел крупный молодой человек, ироничное выражение лица которого забилося куда-то в угол, уступив место недоуменному вопрошающему взгляду. В общем, вид оказался немного жалким. Это было отвратительно. Дима схватил бумажное полотенце и, промокнув им лицо, скрылся таким образом от собственного отражения. Хорошо, что именно в этот момент, а не секундой раньше в туалет вошел Андрей.

– Ну что, выкрутился? – спросил он с ироническим сочувствием.

– Слушай, ты меня застал в самом нужном месте, – не моргнув, ответил Дима. То ли вода помогла, то ли полотенце окончательно стерло следы растерянности, но он сейчас чувствовал себя в норме.

– Не устаю тобой восхищаться – ты еще можешь шутить.

– Юмор, старик, – это единственное, что может удержать нас на плаву. – Дима с небрежным видом вытирал руки.

– Запомню. А ты, когда мощно двинешь вверх, не забудь, что у тебя был заместитель, который делал за тебя всю черную работу, – стараясь бодриться, хихикнул Андрей.

Отличный парень этот Андрей – всегда вынуждает тебя находиться в тонусе, ни на секунду не даст расслабиться. Зорким соколом выслеживает, где что плохо лежит или стоит, налетает быстрым коршуном. Рядом с ним и самому смелым ястребом быть приходится. Робкой перепелочкой оказаться опасно – склюет и не подавится.

– Все лишнее – вон, – забавляясь этой игрой, сказал Дима и точно метнул бумажное полотенце в ведро. – А что касается моего подъема вверх, то это вопрос пока неактуальный...

– Ну конечно... Где низ, там и верх, – стараясь попасть Диме в тон, пронудил Андрей.

– Правильно, старик. Низ – это основа, фундамент, так сказать. На том и стой, – захохотал Дима, зная о многих любовных неудачах своего заместителя.

– А то я никогда не слышал про выгодную женитьбу, – не сдаваясь, в надежде выведать побольше, гнул свое Андрей. – И что в тебе бабы находят? На мой вкус – так слишком много пустозвонства.

– Просто у тебя дурной вкус, старик, – небрежно бросил Дима. – Пошли, к нам в руки идет неплохой клиент.

Вернувшись в свой закуток, Дима обнаружил у себя кучу народа. Стулья явно расставляла Таня – они стояли вкривь и вкось. Буйно заржав про себя, Дима отметил, что его заместителю досталось неприглядное местечко почти у самого выхода. Андрей с кислой физиономией оглядел всех своим соколиным взором, но, поскольку никто на его полет над массами не реагировал и свое место уступать не собирался, приземлился на единственном свободном стуле на проходе.

К этому моменту Дима чувствовал себя уже прекрасно и совещание, о котором еще десять минут назад думал с таким унынием, провел великолепно, в свойственном ему ироничном и непреклонном стиле. Все проблемы, накопившиеся по его вине, с необыкновенной легкостью разрулил, подкинул несколько отличных идей по оформлению, подсказал, как преодолеть капризы клиентов, а также в меру поругал и похвалил. Короче, к концу совещания ни у кого не осталось и тени сомнения, – если оно и посмело к кому-нибудь закрасться в последнее время – что Дима по праву занимает свое место, что ему по плечу и не такой размах и что его креативность, столь лелеемая Боссом, действительно на уровне. Андрей был в недоумении – что это за организм, который восстанавливается с такой скоростью, и что это за наглец, который смеет быть радостным и успешным даже в самом безнадежном положении?

Убедившись, что все идет как надо и взбучки сверху из-за Димы не будет, сотрудники откинулись свободно на спинки стульев и заговорили о мелких текущих делах. С этим они могли разобраться и сами.

– Решено, в данном направлении и будем двигаться, – заключил Дима, снова демонстрируя, что он начальник, а не просто заводной парень, который умеет найти выход из любого тупика. – Постарайтесь все сделать к концу недели.

Кружок тут же распался, загрели отодвигаемые стулья, зашелестели собираемые бумаги. Полагая, что в таком шуме их не очень слышно, сотрудники переговаривались между собой:

– Как всегда все в спешке. – Но идея-то хорошая.

– Дней бы на пять раньше идею эту.

Дима сдержанно улыбнулся. Недовольство начальством – это нормальное, здоровое чувство, но то, что они продолжают верить в него, было очевидно. Что ж, организованности ему, конечно, не хватает, но мозгов явно не занимать. За это многие и ценили его. А другие многие были в настоящей неподдельной обиде: все-таки не совсем прилично во всех ситуациях невольно демонстрировать свой ум. Что ж, флаг им в руки, застревать на таких пустяках не имеет никакого смысла.

Общения с ним подчиненным явно не хватало: Смирнов, преодолевая движение выходящих, протискивался к нему с какой-то огромной кипой бумаг и жизнеутверждающим восклицанием:

– Дима! Вот еще что...

Если бы Дима был женщиной, то закатил бы в такой момент глаза, показывая тем самым четкое и однозначное отношение к рвению сотрудника. Но Дима был мужчиной, к тому же руководителем, поэтому он только с легким укором во взгляде и голосе проговорил: – Смирнов...

– А? – До поглощенного своим вопросом Смирнова укор шефа не дошел.

Телефонный звонок давал уже полное основание на упрек, и Дима, взяв трубку, еще раз вполне доходчиво произнес: – Смирнов!

Смирнов наконец-то сообразил, что после столь насыщенного совещания дополнительно обременять начальника своей персоной совершенно неуместно.

– Понял... – тут же радостно прореагировал он, явно наслаждаясь своей догадливостью, и вместе со всей кипой бумаг не торопяся удалился.

Дима облегченно вздохнул.

– Слушаю, – сказал он уверенным доброжелательным голосом. И сразу же сник – на том конце провода была Леночка.

Настроение моментально упало почти до нуля. Вселившиеся было обратно, на свое законное место, здоровое чувство юмора и оптимизм куда-то испарились. Дима опять почувствовал ужасную усталость. Он подумал, что если сегодня должен будет с ней встречаться, то просто сойдет с ума.

Причина такого перепада настроения являлась загадкой и для него самого. Леночка была всегда весела и, развлекаясь сама, развлекала его, причем самыми невероятными способами. Внешность с обложки модного журнала и непосредственность поступков и суждений, являвшаяся следствием не тронутого интеллектом сознания, тоже должны были говорить в ее пользу. Перспективы же, которые сулило продолжение отношений, уже реализовывались. И в будущем обещали так много, что любая голова закружилась бы, не давая своему владельцу удержаться на ногах и укладывая его в горизонтальное положение, прямо в постель к блага дающей. Кстати, и секс с Леночкой был совсем не плох. Правда, во время этого приятного занятия Дима все чаще ловил себя на неприятной мысли, что не столько получает удовольствие, сколько работает на свою перспективу. Это портило весь вкус происходящего. Но то была не вина Леночки, а беда рефлексирующего Димы, так что нечего теперь валить с больной головы на здоровую.

Что же шло не так? Отчего возникло и не отпускало чувство принужденности, какой-то неодолимой обязанности? Совершенно непонятно, поскольку на свободу его никто не покушался, а обязанностей никаких не налагал. Только беспечное жизнерадостное времяпрепровождение и здоровый молодой секс. Ну что ему не то? Непонятно. Но упругий оптимизм при звуке Леночкиного голоса сразу бесследно растворился.

– Привет, – сказал Дима несколько вымученно-жизнерадостно, понимая, что проще продемонстрировать хорошее настроение, чем объяснять, почему оно плохое. – Ну как дела?

Леночка тут же весело зачирикала:

– Ой, Дюдик, сегодня такое было, такое было...

Дюдик – это милое прозвище, которое Леночка образовала от его имени в минуту нежной близости. И если, находясь в кровати с ней, Дима воспринимал такое изъяснение чувств как нечто неизбежное, то, слыша нерадующий неологизм в обычной повседневной жизни, вздрагивал и, втянув голову, оглядывался по сторонам: кого это так странно зовут? Несколько раз он пытался шутливо объяснить Леночке, насколько неуместно выносить из постели что бы то ни было, в том числе и слова. Леночка над его разъяснениями смеялась, и в результате единственное, чего он добился – при людях она обращалась к нему по имени, если, конечно, не забывалась. Но и это уже было огромной победой. Натура стихийная, сосредоточенная на собственных интересах и желаниях, Леночка абсолютно нетерпимо относилась к любым ограничениям своего волеизъявления. Можно даже сказать, оскорблялась, если что-то нарушало ее внутренние или внешние установки.

– Прости, я отсюда не могу, – задушенным голосом сказал Дима.

– Я на мобильный перезвоню. Ты выйди, и мы поговорим. – Леночка всегда знала выход из любой ситуации.

– У меня совещание, – еще более задушенно, прикрывая рукой трубку, почти не соврал Дима.

– Ладно, расскажу при встрече. Ты просто упадешь. Эта Козлова такое удумала...

– Ты знаешь, я сегодня никак. – Да ты что! Пропустишь такую тусу!

– Ну, ты прости. Но мы ведь и не договаривались...

– А зачем договариваться? И так ясно, – Леночка явно была разочарована. – Дел навалилось...

– Фу, какая ерунда. – Слово «дела» Леночка явно не понимала. – А во сколько ты закончишь?

– Это как получится. Мне неудобно сейчас говорить. Здесь люди.

– Ладно, Дюдик, целую. Без тебя потусуюсь.

Леночка положила трубку. Дима облегченно вздохнул и уставился в компьютер. И что он там хотел увидеть? Может, объяснение своего неустойчивого настроения?

Дел оказалось на самом деле больше, чем он предполагал. Много требовало тщательного обдумывания. Когда работаешь с богатым капризным клиентом, надо все предусмотреть и отрезать ему все пути к отступлению. Судьбу заказа чаще всего решают незначительные нюансы. Многие выпускают их из виду, но Дима – никогда. В этом он был настоящим профи. И переговоры умел вести, как никто, круто замешивая деловитость и компетентность с юмором и жестокой порой иронией по отношению к конкурентам. Клиенты уходили от него с чувством облегчения, убежденные что проект находится в нужных руках, и в полной уверенности, что Дима знает именно то, что они в конечном счете хотят получить.

Отрицательно помотав пальцем увязавшемуся было за ним Андрею, Дима решительно направился в курилку – додумать удачно подвернувшуюся мысль. В чуть напряженной от раздумий позе, наклонившись к столику с пепельницей, он с наслаждением затягивался сигаретой из какой-то заваливавшейся мятой пачки.

– Вот кофе принесла, – сказала вошедшая Таня, неотрывно глядя на чашку с блюдцем в надежде на этот раз донести.

– Кофе? Что ж, прольем еще немного бальзама на измученную душу, – не выходя из задумчивости и стараясь не фиксироваться на запахе, проронил Дима.

Тане удалось, почти ничего не пролив, поставить кофе на столик. Она радостно посмотрела на свою ношу, теперь прочно стоящую на плоской поверхности, и облегченно выдохнула. Надо бы сейчас повернуться и уйти, но миссия ее еще не была полностью выполнена.

– Ты не ел ничего целый день, – заботливо сказала она.

– Еда – это предрассудок... когда завал работы, – решительно встряхнулся Дима.

– Пойдем вместе пообедаем? – робко предложила Таня.

– Хороший ты человек, Танечка, – поднял наконец на нее глаза Дима.

Таня ужасно покраснела и схватилась за щеки.

– Там уже все закрывается, – проговорила она, продолжая стискивать щеки, отчего слова звучали не вполне внятно. – Я попросила, чтобы тебе оставили твои любимые тефтельки. – Ах эта невероятная леди! – воскликнул в мнимом восторге Дима. – Она знает все мои слабости! А сама-то, значит, не обедала? – Я тебя ждала, – призналась Таня. Тут бы Диме посмотреть на нее и заметить, что, вообще-то, она мила, хоть и слегка неуклюжа. Но чем ей было привлечь его внимание? Косметикой почти не пользовалась, одевалась как подросток, вообще, видимо, не представляла, что может быть такой пункт в жизненной программе – заниматься своей внешностью. Есть, есть еще такие девушки на свете – сосредоточенные на внутреннем и оставляющие прозябать все внешнее. А ведь попади Таня в опытные руки какого-нибудь стилиста-визажиста, да хоть даже имей подругу, посвященную в тайны наведения лоска, картинка бы из нее получилась – не оторвешься.

Но мужчины редко обладают достаточной фантазией, чтобы суметь представить себе то, чего не видят их глаза. Если, конечно, это не касается вопросов совсем интимных, чувственных. И выбирают они ярко поданные лица и тела, созданные по трафаретам модных журналов. А потом маются, ведь красота эта требует не только постоянного поддержания, но и полного на ней сосредоточения. И мужчина в такой ситуации теряет самостоятельность – не потому,

что так уж сильно подпадает под неземные чары прелестницы, а потому, что становится лишь еще одним аксессуаром, обрамляющим старательно созданный имидж. Ох, мужики... Сами выбираете гляцевые обложки и сами же потом мучаетесь, что нечего за ними прочесть.

Справедливости ради следует сказать – не только внешность Тани являлась причиной, по которой мужчины не оборачивались ей вслед: не было в ней магии и притягательности женщины. В свои двадцать с лишним лет она в полной мере сохранила неловкость и угловатость подростка – оставалась длинненькой и нескладной, с жаром боролась за справедливость. Короче, как женщина не воспринималась. Впрочем, и в нее, конечно, влюблялись – несмотря на все вышеперечисленные недостатки, она была очень недурна – в основном такие же, как она, юноши-подростки. Но Таня их не замечала. С искренностью, присущей честным и прямым натурам, она, сделав однажды свой выбор, сосредоточилась на нем, не представляя, что могут быть иные варианты и что позволителен хоть малейший шаг в сторону.

Короче, как это ни прискорбно для Тани, Дима не воспринимал ее как объект внимания. И уж тем более сейчас. Во-первых, он пытался все-таки сосредоточиться на своей мысли, а во-вторых, и без того было непонятно, что делать с плотно стоящей на его горизонте Леночкой.

Вообще, Дима всегда нравился девушкам: характером обладал легким, внешность имел весьма счастливую, был остроумен и лишь по какой-то своей отдельной прихоти мог где-нибудь когда-нибудь не стать душой компании. Романы у него тоже получались легкими, душевными. И не то чтобы он надолго ни с кем не застревал, а как-то просто шел дальше, навстречу новым девушкам и новым приключениям. Его избранницы чаще всего обиды не таили, хотя втайне всегда надеялись, что смогут застопорить этот быстрый ход. Но Дима не останавливался, потому что точно знал: когда будет То – он моментально поймет. Спотыкнется, учует забившимся сердцем – вот Оно, пришло. И тогда затормозит и станет счастливым семьянином, жизнерадостным мужем и беззаботным отцом.

Однако подобное еще ни разу не случилось.

– Н-да... – раздумчиво произнес Дима. – Ты вот что, Танечка... Принеси мне, если можешь, что-нибудь там пожевать. А к пяти пригласи всех, кто по новой клиентуре работает.

– Как к пяти? – ужаснулась Таня. – За час ведь не уложитесь. – Задержимся...

– Дима, так нельзя. Это ведь только ты позже приходишь, а все остальные...

– Да-да-да... – Дима не собирался застревать на этом болезненном вопросе.

– Люди будут недовольны...

– Ладно, согласен. Собери мне к пяти недовольных людей. Идти, так уж до конца, – бесшабашно-обреченно сказал Дима.

Таня вздохнула и пошла объяснять, что нужно, действительно нужно в конце рабочего дня собраться на маленькое совещание. По дороге она, даже не заметив, нечаянно снесла пепельницу, стоявшую на длинной ноге, и успела поймать ее, почти не рассыпав окурки.

Рабочий день закончился поздно и, хотелось надеяться, прошел не зря. Наверняка он приблизил всех трудившихся к чему-то важному, сокровенному, без чего и жизнь не в радость. А иначе какого черта они все вкалывали? Может, для того, чтобы заработать хорошие деньги? Но это далеко не всем и не всегда удается. Да и хорошие деньги не могут быть оправданием бессмысленно проведенных часов – сегодня и изо дня в день. Ведь человеческий век конечен, и никакие деньги уже не вернут потраченное время. Значит, они именно так и хотели потратить его, значит, именно от этого и получали удовольствие...

Дима брел к своему дому через сквер. В неярком свете аллеи мысли приходили тягучие, неспешные. Вдруг он хмыкнул, не преминув при этом отметить, что не перестал еще реагировать на окружающее: в конце аллеи обозначилась фигура девушки, выделяющейся невообразимые па и самозабвенно декламирующей что-то перед детской прогулочной коляской. Дима даже замедлил шаги, настолько забавной и интересной показалась ему картинка.

– Есть же счастливые люди! – воскликнул он, как ему показалось, про себя. Но, видимо, возглас прозвучал вслух и даже слишком громко, потому что девушка перестала скакать, будто одернула себя, и чинно пошла рядом с коляской. Поравнявшись с ней, Дима хотел отвернуться, не желая афишировать, что оказался невольным зрителем маленького спектакля. Но девушка уже поняла, что ее постановка не осталась незамеченной.

– Здравствуйте, – смущенно сказала она.

– Здравствуйте, – невольно улыбаясь, ответил Дима.

– А я вас знаю, – переходя в наступление, вздернула подбородок девушка.

– О, я даже не смел надеяться на такую широкую известность, – отвесил галантный поклон Дима.

– Правда-правда, вы здесь раньше всегда бегали... – не унималась девушка.

– Я бегал? – изумился Дима. – Куда?

– Для физкультуры, – засмеялась девушка. – По утрам. А мы с Маринкой, – она кивнула на коляску, – всегда смотрели.

– Точно, – будто припомнил Дима. – И бегать перестал...

– А почему перестали? – не отставала его собеседница. – Нам очень нравилось. Вы так азартно это делали... – Она опять засмеялась. И, чтобы смягчить свой смех, пояснила:

– Знаете, когда вот так гуляешь каждый день, вечно по сторонам глазеешь. А теперь будто не хватает чего-то.

– Рад, что тоже подарил вам достойное зрелище, – улыбнулся Дима, намекая на представление, только что сыгранное ею, – мол, теперь они квиты. Девушка скорчила забавную рожицу, явно означавшую: ну и что?

Подумаешь! А он грустно добавил: – Да, давненько я что-то...

– И совсем даже недавно... Еще месяца три назад, – быстро возразила девушка.

– Всего три месяца? – изумился Дима. – Никогда бы не подумал... Три месяца!

– А вы давайте опять...

– Легко сказать, – удрученно покачал он головой. – Знаете, что труднее всего сделать?

– Что? – заранее радуясь ответу, спросила девушка.

– Сдвинуть себя с места. Вот что, – почему-то вдруг угрюмо буркнул Дима. – Ладно...

Спасибо за поддержку.

– Не сомневайтесь, мы с Маринкой поддержим, – опять засмеялась девушка.

«Смешливая, – с внезапной досадой подумал Дима, продвигаясь к дому. – Конечно, забот никаких – ходи себе с колясочкой и в ус не дуй. И вообще, нечего так поздно с ребенком гулять», – неожиданно заключил он.

Придя домой, Дима вывалил из портфеля на письменный стол кучу рекламных эскизов, которые не успел просмотреть в офисе. Вид всех этих картинок вызвал у него новый приступ раздражения.

– Что мне, заняться больше нечем?! – воскликнул он с пафосом.

Тут на глаза ему попался листочек с телефоном психоаналитика, который дал Босс. Дима долго и тупо смотрел на бумажку, даже перевернул ее на другую сторону. Вдруг там есть нечто такое, что смогло бы объяснить внезапно свалившееся на него бремя. Потом тяжело вздохнул и протянул руку к телефону. Телефона на месте не оказалось. Дима обвел глазами комнату и пришел в жуткое негодование.

– Да должен же кто-нибудь это все убрать! – в бешенстве крикнул он, обзревая весь тот беспорядок, который накопился в течение многих дней. Кто должен этим заняться, из Диминого восклицания не следовало. Но при помощи каких-то добрых сил это событие явно могло случиться. Например, у самого Димы возникнет жгучее желание навести чистоту или тетя Дуся, которая по его просьбе порой выполняла подобную работу, неведомым способом попадет в вечно закрытую квартиру. И тогда все встанет на свои места, пыль исчезнет, чистая

одежда будет висеть в шкафу, пол засверкает всей красотой импортного лака, ненужные газеты и журналы окажутся в утильсырье, а телефон – всегда под рукой. Вот такие простые житейские мечты. Телефон... да, телефон...

Трубка нашлась под диваном. Чертыхаясь, Дима вытащил ее оттуда, еще раз с раздумчивой тоской посмотрел на мятый листочек, вздохнул и, не видя больше возможности чем-то оттянуть момент, покорился неизбежному и набрал номер.

– Добрый вечер, – Дима старался говорить бодро и равнодушно. Ему вовсе не хотелось, чтобы кто-то, пусть даже незнакомый человек, с которым он ни разу в жизни не встретится, подумал, что он какой-нибудь там больной. Вроде тех психов, что ходят к подобным лекарям. Но жена Павла Ивановича – это неодолимая сила. Можно не сомневаться, что Димин поход к психоаналитику она уже взяла на заметку и Павел Иванович теперь будет вытрясать из него душу в целях выяснения всех подробностей, с тем чтобы они могли быть основательно доложены Марье Павловне. И обсуждены во всех деталях. А уж Марья Павловна сделает необходимые выводы, даст ценные советы и направит его дальше, по морю-океану жизни. Так что сопротивляться не было смысла. Лучше расслабиться.

– Я от Павла Ивановича, – отчеканил Дима. – Хочу записаться на прием. Завтра? В шесть?

Господи, конечно, неудобно. И завтра в шесть, и послезавтра в семь, и послепослезавтра в одиннадцать. Но это только подумалось. Отступить было некуда, и он сказал: – Да, удобно.

Если поиски телефона требовали определенных усилий, то на извлечение некоторых других предметов уже, кажется, выработался определенный мышечный рефлекс. Точно рассчитанным движением Дима достал из-под дивана слегка запыленную рюмку и бутылку коньяка. Рюмку протер краем свисавшей простыни, плеснул коньяк. Критически осмотрел свою работу и плеснул немного еще. Потом нехотя поднялся, поставил свой любимый джазовый сборник, при звуках музыки прищелкнул от удовольствия пальцами и вернулся на диван. Там он развалился, держа аристократическим жестом наполненный бокал и щуя глаз. Казалось, успокоение, даже умиротворение пришло к нему. Но вот он беспокойно завозился – какая-то мысль высунула свой остренький носик, мешая наслаждаться.

– Неужели завтра все сначала? – с трагической нотой в голосе произнес он. Еще немного поерзал, занимая наиболее комфортабельное положение, зевнул и послал завтра в завтра.

4

Первый шар

- *Какое несчастье! Что же ты теперь будешь делать?*
- *Сам не знаю... Может, к специалисту записаться?*
- *Слушай, а это не заразно?*
- *Думаешь, я где-то подхватил?*
- *Нет, я... о себе подумал.*
- *Осталась последняя надежда – шампунь.*
- *Вот так живешь-живешь, и вдруг на твою голову... перхоть.*

После просмотра рекламы

Кабинет психоаналитика располагался в большом, современном, состоящем преимущественно из офисов здании. Первый его этаж занимали магазин с заманчивой и неопределенной вывеской «Все для вас» и кафе «Минутка», чье название совершенно ясно давало понять всем труженикам, что на свой обеденный перерыв времени они потратят совсем немного и проведут его с пользой и со вкусом.

У Димы отлегло от сердца. Он наивно полагал, что, поехав по названному ему адресу, попадет в какую-нибудь клинику, где стоит пугающий запах лекарств и карболки, деловито расхаживают люди в белых халатах, а немощные пациенты жадно тянутся к сумкам своих посетителей в надежде через принесенную пищу приобщиться к стенам покинутого ими родного дома.

А оказалось все не так уж страшно: вывески разных организаций, подтянутые женщины в строгих костюмах, мужчины в галстуках, с внушительным выражением лица, порхающие секретарши и витающий над всем этим дух серьезного дела. В общем, картина до боли знакомая.

Офис, где его ожидало решение всех проблем, находился в отсеке с общей дверью, на которой в виде вензеля красовались две буквы: «Д» и «З». Внутри обнаружилась небольшая рекреация с удобными диванами, стояло несколько стоек, уставленных яркими горшками с несильно процветающей растительностью. В небольшой нише – так, чтобы не мешать движению, но и не пропустить никого лишнего, – сидела за столом пожилая женщина приветливого вида. Перед ней помещался перекидной календарь и тоненькие стопочки бумаги разного формата.

– Здравствуйте, – сказала она голосом, располагавшим к общению.

– Здравствуйте, – вежливо ответил Дима, к общению сейчас не очень расположенный.

– Вы к нам в первый раз? Я вас что-то не знаю.

– В первый, – кивнул Дима и тут же подумал: «Дай бог, чтоб и в последний!»

– И к кому же вы? – все также доброжелательно спросила женщина.

– К Генриху Витольдовичу.

– О! – В благоговении она закатила глаза. – Это такой специалист! Вы останетесь очень довольны.

– Спасибо. – Дима не вполне понимал, чем он может быть доволен и попытался проследовать дальше.

– А вы знаете, что он профессор?

Пришлось остановиться – не бросать же реплики через плечо.

– Нет, я не знал, – ответил Дима и тут же догадался: так вот почему ему назвали столь непомерную сумму гонорара. Однако означает ли сей факт, что по данной причине этот специалист больше специалист, чем другие?

Словно отвечая на его вопрос, женщина веско сказала:

– Так знайте, – и высоко подняла указательный палец вверх. Видимо, этот жест должен был означать определенную и нерушимую связь, возникавшую, в силу высокого звания, между Генрихом Витольдовичем и Небом.

Дима кивнул. Женщина кивнула ответно, закрепляя таким образом в Диме открытое ему знание.

– Вам в последнюю дверь направо, – добавила она.

Дима решительно и упруго направился к последней двери, рассчитывая построить свой разговор с профессором так, чтобы тот сказал и, может быть, даже сам передал Марье Павловне, что он, Дима, удачливый, способный, практически здоровый молодой человек, которому услуги психоаналитика вовсе ни к чему.

Комнаты, мимо которых он шел, были пронумерованы, а кое-где и подписаны: «Охрамова Т. В.», например, или «Солнечный круг». И было совершенно непонятно, куда же он все-таки попал, что означают загадочные буквы «Д» и «З» и чем занимаются в остальных помещениях.

Открыв нужную ему дверь, Дима сразу перенесся из современной офисной атмосферы в настоящий профессорский кабинет – с массивным столом и креслами по обе стороны от него, с книжным шкафом, тяжелыми портьерами на окнах и портретами двигателей науки на стенах. Несколько чуждо выглядела здесь кушетка, стоящая по левой стене от двери, но она была умело задекорирована, так что вполне сходила за козетку, весьма подходившую по духу ко всему остальному. – Здравствуйте, – поднялся ему навстречу из-за стола лысоватый и слегка отяжелевший с возрастом мужчина. Он гостеприимно отвел одну руку, как бы обводя обстановку и предлагая гостю чувствовать себя в ней свободно, а другую протянул для рукопожатия. Никакого белого халата на нем не было – обычные брюки и рубашка со свободным воротом. Пиджак висел на спинке кресла.

Дима был несколько ошарашен таким радушным приемом. Он почему-то считал, что разговор будет сухим и деловитым. Видимо, сказывался недостаток опыта в общении с профессорами от медицины. Находясь в этом растерянном состоянии, он присел в массивное кресло у стола, на которое ему указал хозяин, и невольно откинулся на мягкую спинку. Такое положение тела сразу снимало всякую излишнюю активность, располагало к расслабленности и душевным излияниям. Дима почувствовал это с некоторым опасением и решил выпрямиться, избегая коварной спинки. Спинка не торопясь притянула его обратно. Все-таки комфорт, и в особенности комфорт тела, – главное благо, навязанное нам цивилизацией.

– Ну, рассказывайте, – с радостным ожиданием произнес хозяин кабинета, сам усаживаясь в такое же кресло по другую сторону стола.

– Честно говоря, мне не слишком-то понятно, что я здесь делаю, – не кривя душой ответил Дима.

– О, в этом мы обязательно разберемся. И вы станете все понимать.

– Да я и так все понимаю. Просто мне не вполне ясно, зачем я здесь.

– Говорите, говорите, не волнуйтесь. Я вас внимательно слушаю.

– Я не волнуюсь, – начал слегка раздражаться Дима. – Послушайте, Генрих Витольдович, мой Босс...

– Как же, Павел Иванович, – довольно кивнул профессор. – Очень современный руководитель. Он прекрасно осознает, насколько необходимы помощь нашей науки и индивидуальный подход.

– Да, наверно... В общем, это была его идея.

– Прекрасная идея, – радостно сообщил Генрих Витольдович.

– Прекрасная идея, – сдерживая себя, подтвердил Дима. В конце концов, этот профессор пока ни в чем не виноват – не он же направил его сюда.

– Наверняка не обошлось без участия Марьи Павловны. Вы знаете Марию Павловну?

– Да, немного.

– О, это прекрасная, умнейшая женщина. А какая жена и мать! Ну, продолжайте, продолжайте спокойненько.

– Я и так спокойненько... Только в эту галиматью, извините, совершенно не верю. Я способен сам...

– Сам, конечно сам, – незамедлительно согласился Генрих Витольдович. – Вы не волнуйтесь. Мы сейчас вместе разберемся, на что вы способны, а на что – нет.

– Мне не хотелось бы тратить ваше время на...

– Правильно, – умиротворенно кивнул Генрих Витольдович. – Мое время дорого, как вы заметили. Так что не будем его тратить впустую. Начнем с самого начала.

– С самого начала я сказал, что не слишком понимаю, что я здесь делаю.

– Правильно, правильно, – удовлетворенно отметил Генрих Витольдович и что-то записал в аккуратной тетрадке, лежавшей перед ним на столе. – А что вас сейчас беспокоит?

– Что я опоздаю на свидание, – категорично заявил Дима. Он подумал, что вязнет в этой манере своего собеседника, решительного разговора о полном и окончательном здоровье не получается. Может, нахамить? Бог с ней, с Марьей Павловной. Авось как-нибудь пронесет.

– Н-да, – понимающе свесил голову Генрих Витольдович, – что ж, это очень хорошо.

Фраза прозвучала жизнеутверждающе, хотя было непонятно что вселяет в профессора такой оптимизм: то, что у Димы должно состояться свидание, что он может на него опоздать или что способен беспокоиться о своем опоздании. Пока Дима размышлял об этом, Генрих Витольдович сделал несколько пометок в своей тетрадке и непринужденно продолжил:

– Мне бы хотелось, однако, чтобы вы вдумчиво рассказали, так сказать, об истоках вашего бытия.

– Моего бытия? – Я имею в виду ваше детство.

– Мое детство?

Диме стало смешно. И в кино, преимущественно американском, и в художественной литературе психоаналитики именно так всегда и поступали: вы-уживали разные факты из детства, туго переплетали их с событиями настоящего и неизбежно находили у несчастных страдающих кучу маний, требующих незамедлительного извлечения из организма пациента для его вящего спокойствия и душевного здоровья.

– Слушайте, это какой-то поверхностный подход, – перешел на свой привычный иронический тон Дима.

– Да? Вы считаете? – не чувствуя подвоха, переспросил Генрих Витольдович.

– Конечно! Давайте лучше начнем с моего внутриутробного развития, ведь именно в этот период, если я не ошибаюсь, закладываются основные характеристики типа личности, а также потенции интеллекта. Но если мы станем анализировать эмбриональное развитие моих родителей, то я точно опоздаю.

– Очень интересный подход, – с удовольствием заметил Генрих Витольдович. – Вы приходите ко мне с запасом времени. Мы спокойненько разберемся, все разложим по косточкам.

– Я не хочу по косточкам. Я уже давно мясом оброс, – не сдавался Дима.

– Н-да. Скажите, у вас в детстве часто была икота? – вдруг заинтересованно спросил Генрих Витольдович.

– Что? Икота? Не припомню. Кажется, нет. Но при чем тут... – Дима даже надулся от возмущения. Вся его ирония и, можно даже сказать, сарказм пропали даром.

– Не беспокойтесь, пожалуйста, я все объясню. Разберемся спокойненько. А вы любите лазить по деревьям?

– Боже мой! Это бред, – застонал Дима. – Генрих Витольдович, знаете что я вам скажу...

– Да-да, очень интересно...

– Никаких снов я не вижу. Просто не вижу, и все тут. Детство у меня было счастливым. Мальчиком, правда, я был слегка хулиганистым, но это, мне кажется, вполне нормально. Претензий к родителям у меня нет. Никаких особых прозвищ не было, в те годы меня называли просто Митей.

– Хорошо, хорошо, очень хорошо, – успокаивающе покивал головой Генрих Витольдович. – А не хотите ли прилечь? – радушный жест указал на кушетку, прикинувшуюся козеткой в угоду ученому стилю кабинета.

– Спасибо, не стоит, – решительно отверг такую возможность Дима.

– Очень хорошо. Не беспокойтесь, что нормально, что ненормально – мы разберемся.

– Да я и сам знаю, что нормально.

– Конечно, знаете. А как же вам не знать? Только не будем валить все в одну кучу... Вот скажите лучше... вы в детстве как любили яичко – всмятку или в мешочек?

– Какая разница? – устало ответил Дима. Он понял, что из цепких лап человека, которому ничто не может испортить настроение, не так-то легко вырваться. Оставалось смиренно отвечать, чтобы выпустили добровольно. – Кажется, всмятку.

– Прекрасно, прекрасно! – с весьма довольным видом сделал еще несколько пометок Генрих Витольдович.

– Но какое это имеет отношение...

– Очень хорошо. Вы не волнуйтесь. А постарайтесь-ка спокойненько припомнить, с какой стороны вы разбивали такое яичко – с острой или с тупой?

В этом же духе продолжался и весь последующий разговор. Генрих Витольдович был неизменно доброжелателен и с радостным удовлетворением воспринимал все, что бы ни сказал Дима. Сбить его с намеченного пути и отвлечь от заготовленных вопросов не смог бы и танк. Димины наскоки и иронию он не то чтобы игнорировал, но растворял в море своего спокойствия и понимания.

На имени своего визави Дима почему-то все время спотыкался, никак не мог нормально произнести, поэтому предпочел более простой вариант обращения: профессор. Велели запомнить, он и запомнил, а чтобы не забывалось, повторял все время, как хороший ученик. И произносил с благоговением, почти с придыханием – очень уж было приятно поерничать.

Через некоторое время Генрих Витольдович, вполне удовлетворенный Диминым почтением, сказал: – Ну что вы все «профессор» да «профессор», не стоит так официально. Зовите меня просто: Генрих Витольдович.

«М-да, – подумал Дима, – действительно просто. И о чем думали его родители, когда давали ребенку такое имя? Ему и деваться-то было некуда, как только в эти психи идти».

К чему гнул своими вопросами целитель душ, определить было совершенно невозможно. Например, если бы он просто поинтересовался, какой цвет предпочитает Дима, можно было бы сообразить, какой называть не стоит: красный – значит, слишком агрессивен, черный – все видит в мрачном свете, синий... фу, об этом и говорить не стоит... Так нет, он не спрашивал, какой цвет нравится, а только с вывертом: какого цвета занавески повесил бы в спальне. А спальни-то нет. Есть кабинет, в котором стоит диван – чтобы посидеть, если захочется, и поспать, если случится. Вот и думай, как тут ответить. Или, скажем, какие тапочки Дима предпочитает – с задником или без. А разве бывают мужские тапочки с задниками? У папы его были – в те времена такие делали. Короче, ему в какой-то момент стало даже интересно – как умудриться отвечать так, чтобы запутать своего интервьюера, не дать ничего понять и выйти сухим из воды.

Даже если бы Дима разбирался во всей этой мудреной науке, он вряд ли сумел бы определить, к какой школе психоанализа принадлежит сидящий перед ним специалист. Когда-то тот наверняка был психоневрологом или психотерапевтом в какой-нибудь районной поликлинике, но, следуя веяниям времени, переориентировался на модную специальность. В его голове при-

чудливым образом переплелись традиции старой школы и современные методики, а непримиримые противоречия, которые между ними существовали, мирно уживались друг с другом. И действительно, почему бы им не уживаться, если можно зарабатывать неплохие деньги. Нет, конечно, дело не в деньгах. Точнее, не только в них. Интересные люди, неоднозначные ситуации – главное, иметь собственную позицию, следовать своему чутью и слегка приправлять традиционный профессорский консерватизм пряной ноткой новаторства. Так и науку двигать можно, и школу собственную создать. Здравый смысл и прочная научная база – достаточные условия для безбедной прогрессивной жизни.

Однако самое важное Дима понял прекрасно: так просто из этих мягких лап ему не вырваться. Он, разумеется, подозревал об этом, уже когда направлялся сюда. Хоть человек, сидевший перед ним, и не был одет в белый халат, по сути своей он оставался врачом. А какой же врач запросто отпустит пациента? Ведь бедняга даже не представляет, как ему плохо, насколько тяжело его состояние, а главное – что со всеми свалившимися на него недугами ему одному не справиться. Лечиться, лечиться и лечиться! Не поможет это – попробуем другое, не подействует другое – применим третье. И так до конца. До последней черты. Пока не одолеем весь нездоровый организм в целом. Лишь заключительным аккордом или волевым усилием можно разорвать этот прочный круг.

Дима решил, что какое-то время в угоду Боссу потерпит – и так своим поведением он накалил обстановку докрасна. Главное, не зайти в этом деле слишком далеко – чтобы не успеть поверить в реальность болезни и необходимость избавляться от нее. А ведь такое случалось и случается даже с людьми, которые обладают, казалось бы, крепкими нервами и не особенно богатым воображением.

Сеанс длился ровно час – видимо, Генрих Витольдович действительно высоко ценил свое время. Но когда Дима протянул ему конверт с приготовленной суммой, он с улыбкой сожаления по поводу несообразительности своего клиента мягко заметил:

– Нет-нет, что вы...

Дима в первую секунду даже опешил, представив, что с ним, Димой, профессор занимался из чистой любви к науке. Но следующая фраза все разъяснила:

– К Анне Степановне, пожалуйста. Она у нас всем этим занимается.

Догадавшись, что Анна Степановна – приветливая женщина на входе, Дима попрощался и отправился со своим конвертом к ней. Конечно, зачем человеку, облеченному званием, знаниями и навыками спасения душ, пачкать свои руки деньгами? Такое вообще чуждо тем, кто обращен своим взором к внутреннему содержанию, истинным ценностям. К тому же, не дай бог, какая-нибудь налоговая инспекция...

Анна Степановна встретила Диму так, будто все это время с нетерпением ждала его возвращения.

– Ну как? – с благоговением спросила она. – Потрясающе, – в тон ей ответил Дима.

– Я же говорила, – убежденно кивнула женщина, достала из конверта деньги и тщательно их пересчитала.

Потом, удивляясь такой скрупулезности в ведении дел, он расписался на какой-то бумажке, а Анна Степановна с неутраченным трепетом занесла его следующее посещение в график работы Генриха Витольдовича.

5

О пользе пробок

Беспомощность городских властей обрекает вас на низкий уровень гемоглобина в крови. Высокая загазованность воздуха, неумелое природопользование и реальное отсутствие защиты окружающей среды не оставляют вам шансов быть здоровыми.

Спасите себя сами! Не дайте организму погибнуть в недрах мегаполиса!

Наши респираторы очистят ваши легкие, придадут свежести затхлым отношениям, наградят свободой движения.

По вашему желанию за дополнительную плату в комплект может быть включен противогаз.

Из листовки производителя

На свидание Леночка не очень торопилась – знала, что Дима все равно опоздает. Ее это вовсе не обижало, поскольку никак не было связано с отношением именно к ней. Вовсе нет. Откуда в нем взяться пунктуальности? Веселый, бесшабашный, увлекающийся...

Это гораздо лучше. На что эта пунктуальность? Ей же не бизнесмен нужен, а мужчина. Именно такой – безудержный в любви, неутомимый, пылкий, забывающий в постели не только час – день.

Леночка очень радовалась этому своему новому приобретению. И то, что их знакомство произошло в клубе, лишь добавляло некую авантюрную неожиданную нотку. Она, конечно, и раньше знакомилась в разных зланных местах, вызывая большое неудовольствие родителей, которые считали, что из этого ничего хорошего получиться не может. И, в общем-то, были правы. Вечно Леночке попадалось типичное не то: завязтые кутилы, лощенные хлыщи, самодовольные красавчики при ничтожных достоинствах... Все они самозабвенно летели на яркий блеск, который она излучала. К сожалению, блеск этот был отраженным – его источником являлись ее положение и деньги. Леночка это быстро поняла, и пренебрежительно-спесивая манера общения, которую она в результате усвоила, стала наглядной демонстрацией для мотыльков всех мастей и ее видового отличия, и того, что голыми руками такую штучку не возьмешь. С Димой все было иначе. Во-первых, она сама на него налетела, а во-вторых, – в этом не было никаких сомнений – он запал именно на нее, а не на завидный социальный статус. Это было ясно потому, что прошло не меньше трех месяцев, прежде чем он сообразил, насколько высокого полета ему попала птичка. А когда сообразил – охнул и сразу погрузстнел. А она, наоборот, весело хохотала, особенно когда выяснилось, что он работает на папусика. А значит, и на нее.

В целом родители ее свободу ничем не ограничивали, квартиру купили. В личную жизнь не лезли, почитая девушкой разумной, умеющей за себя постоять и знающей, чего она хочет. Но в смысле «выбора достойной партии» – и откуда в такой семье столь старомодное выражение? – были настроены серьезно. Замужество – важный шаг не только для дочери, но и для семейного бизнеса. В чьи руки попадет? Как будет вестись? Упрочится или пойдет по ветру?

Понимая родительские мотивы и не желая ссориться, Леночка с сыночками друзей и партнеров папусика, по необходимости встречалась, но держала их на расстоянии. Слишком уж это на виду и чересчур матримониально. Среди них встречались и ничего, но она ведь не разменная карта в бизнесе. Мамусик прилагала самостоятельные усилия в этом направлении, но ее приятельницы, имевшие взрослых сыновей, являлись в основном женами все тех же партнеров. А те, что были калибром помельче, из прошлой жизни, всерьез не рассматрива-

лись: они продолжали бороться за существование и разглядеть могли только приданое, заодно прихватив в новенькую, с картинки, будущность и ее саму. Мамусикино мнение тоже приходилось учитывать – она все-таки родительница, да и в некоторых вопросах кое-что понимает. Но, по мере того как бизнес папусика становился все круче, она постепенно как-то отдвигалась на задний план. Кто платит, тот и музыку заказывает. А он в своей доченьке души не чаял и отказывал редко и с трудом.

Иногда, правда, у Леночки создавалось впечатление, что родители хотят поскорее сбыть ее с рук.

Повесить на шею какому-нибудь хорошему парню, пусть он разбирается, что с ней делать дальше. Но тут и разбираться особенно нечего: будучи мужней женой, станет заниматься собой, супругом и домом. Детьми, когда они вдруг, нескоро, появятся. В принципе, особенно ничего не изменится, кроме семейного статуса и того, что заботиться придется всегда об одном и том же мужчине. А это не так уж интересно. И замуж она не спешила.

Была она почти что блондинка. Ну почти. Краска для волос успешно помогала исправить маленький недостаток цвета. А так – по всему блондинка: и по самоощущению, и по поведению, и по манере одеваться – затмевающая всех девушка, уверенная, что мир крутится вокруг нее. Любой мужчина полжизни отдаст, чтобы быть с ней рядом. Это ведь настоящий шик – на каком-нибудь приеме или презентации появиться вместе с такой блестящей куколкой.

А что касается глупейшего суждения, будто блондинки своим умом сильно отличаются от всего остального населения земного шара – в смысле его отсутствия в наличии – так просто подотритесь им, своим суждением. И оглянитесь вокруг: женщины-блондинки верховодят во всех областях, и брюнетки от них явно отстают. Так что же это, на ваш взгляд, как не признак ума? Сильный пол вообще не в счет, недаром говорится, что за каждым успешным мужчиной всегда стоит умная женщина. Но это только говорится «за» – на самом деле, она всегда впереди – раздвигает для него просторный коридор, по которому он и движется к грандиозным победам, считая их своим законным достижением.

Леночка, кстати, была девушкой образованной – являлась дипломированным специалистом с квалификацией «лингвист, переводчик». Специальность выбирал для нее папусик – с высоты его положения гораздо лучше видно, чем стоит заниматься дочери. Ей, конечно, не нужно трудом прокладывать себе дорогу, но иметь приличный диплом совершенно необходимо, учитывая тот круг общения, в котором она вращается. Гуманитарное же образование – это культура, а ее всегда нелишне продемонстрировать окружающим, поднимая собственный престиж и престиж семьи. Так что папусик колебался только между искусствоведением и языками. Но потом решил, что в искусстве и так каждый нормальный человек разбирается. А вот языки могут пригодиться в разных случаях жизни – в зарубежном путешествии, при общении с иностранными друзьями, да и будущим внукам нелишне с детства привыкать к импортной речи.

Выбирали институт родители, но училась-то она сама. И даже если ей слегка помогли при поступлении, смешно эту тему обсуждать: а кому не помогали? При нашей-то системе образования, сколько там не бластных? По пальцам пересчитать, и то для видимости. И вот она уже закончила институт, при этом одолела два языка: английский и французский. Могла при случае поговорить. А чтобы имела практику и к делу была приставлена, папусик привлекал ее к ведению переговоров с зарубежными партнерами. В ресторанах, в основном. А штатный переводчик в офисе работал – должен ведь кто-то все сказанное зафиксировать и в виде какого-то соглашения оформить. Это уже рутинная работа, не для нее.

Короче, Леночка была вполне готова стать женой обеспеченного человека и вести насыщенную культурную жизнь. Обсудить с дизайнером интерьер квартиры или ландшафт участка загородного дома и настоять – да, настоять! – на своем, если он чего не понимает – благо статус ей позволяет. Организовать выставку чьих-нибудь работ – это уже престиж фирмы,

демонстрирующей глубокую заинтересованность в развитии культуры и не жалеющей средств на благотворительность. Быть хозяйкой банкета или званого ужина для избранных, заказывая музыку... Да мало ли что еще. Область применения усилий такой женщины может быть ограничена только ее фантазией. А фантазия ее...

Фантазия влекла ее сейчас к безумно обаятельному и непредсказуемому молодому человеку, от которого никогда не знаешь чего ожидать. И с которым поэтому ужасно весело. А дополнительное удовольствие состояло в том, что он вечно становился зачинщиком всяких выдумок, какие никому другому не пришли бы в голову. И все подчинялись этим затеям, потому что подпадали под его невероятный шарм. Была в нем и та легкая уверенность в себе, которая требует от других безусловного подчинения и присуща людям талантливым, знающим себе цену. А уж в постели... В постели ему просто нет равных. И это сразу было видно невооруженным глазом – энергия бьет из него через край, мужская сила так и плещется, так и плещется, притягивая томно закатывающих глаза девиц. Но обломится им, потаскушкам таким, подружкам завистливым. И близко не подойдут.

А то, что он небогат, – так это пока. Паpusик уже, конечно, в курсе ее увлечения. И не возражает – он присмотрелся и в целом остался Димой доволен. Так что полегоньку, помаленьку станет продвигать его, а там... Короче, паpusик всегда знает, что делает, и плохого для своей дочурки не придумает. Особенно сейчас, в том редком случае, когда она точно понимает, чего ей хочется.

Вот такие приятные размышления занимали Леночку, когда она подъезжала к месту встречи. Нежный поцелуй севшего в машину Димы еще больше убедил ее в правильности собственных суждений.

– Похоже, ты опять сегодня хмурый, Дюдик, – отстранившись, оценила она его состояние.

«Дюдик! Боже мой, Дюдик! Кто это?» – с тоской подумал Дима, а вслух сказал:

– Сосредоточенный.

– А зачем?

– Работаю как вол во имя процветания компании твоего папочки.

– Ну это проза, – отмахнулась Леночка, показывая тем самым, в отличие от одного литературного героя, и понимание основ языка, и пренебрежение к не очень важным мужским делам.

– Чтобы доходы его приумножались. Текли в его карманы полноводными реками, – продолжал засевавшую в нем мысль Дима.

– Вот и хорошо. Глядишь, и мне кое-что перепадет. А значит, и тебе.

– Мне перепадает за мой труд. Могло быть и побольше, – назидательно ответил Дима, ничего особенного при этом не имея в виду.

– Дюдик... – интригуяще протянула Леночка. – Мы уже над этим работаем. Не будь буквой.

– Прости, я забылся. – Дима поцеловал Леночку, прикинув, что это будет проще, чем объяснять, что он хотел сказать совсем другое.

– Милый, тебе надо развеяться. – Все, я готов!

– У Сани Бралева сегодня день рождения.

– Вот это праздник сердца! – в невыразимом восторге вскричал Дима.

– Ты ведь помнишь, я вас знакомила.

– Кто ж не помнит Саню Бралева! – не менее радостно завопил Дима.

– Мы званы к нему в загородный дом, – вкрадчиво продолжила Леночка, по имеющемуся уже опыту понимая, что эта восторженная интонация вряд ли на самом деле означает восторг.

– Ненавижу загородные дома! – не замедлил сообщить Дима. – Дюдик, тебе понравится. – Ты думаешь?

– Он всегда умеет устроить такие прекрасные вечера. С изюминкой...

- Обожаю изюм, – тут же согласился Дима.
  - Ну что, едем?
  - В загородную резиденцию? – Дом... – Великого изюмоведа жизни? – Сани...
  - Гениального устроителя домашних торжеств? – Бралева... – Едем, конечно.
- И они поехали.

Нельзя сказать, чтобы их скорость до выезда на трассу была впечатляющей. Пробки – ужасный бич каждого большого города. А что же будет дальше, если все мировые автомобильные компании, словно сговорившись, без прорыва штампуют новые из новых – новейшие! – улучшенные модели? И если те становятся все более доступными для постоянно растущего числа автолюбителей? Кошмар, уважаемые господа! Скоро, как и предсказывали фантасты, придется перемещаться по воздуху. Но принесет ли это облегчение, когда малопомалу туда поднимется такое же количество транспортных средств, которое сейчас ездит по земле? Конечно, воздушного пространства пока все-таки больше, и вполне возможно, что в нем можно будет разместиться с большими удобствами, но если некоторые страны и народы будут упорно продолжать с такой скоростью увеличивать народонаселение, одновременно поднимая его уровень жизни и прожиточный минимум, то очень и очень скоро воздушных пробок будет не избежать.

Однако эти проблемы пусть уже волнуют следующие поколения. Сейчас, вот в это наше с вами время, многие граждане преодолевают огромные трудности, чтобы добраться... ах, оставим пока в забвении скучные конторы и очень деловые встречи!.. добраться до своего законного загородного владения. И там с полным на то основанием отдохнуть от городской суеты и насыщенной выделениями цивилизации атмосферы, от тягот офисных баталий и трудностей переговоров, от магазинного изобилия и усердия персонала фитнес-клубов, от необходимости принятия решения после прочтения толстых фолиантов меню и нервного напряжения от этих вот пробок... Дорога длится долго, слишком долго. По этой причине все чаще таким автоладельцам, имеющим, кстати, со всеми остальными гражданами равные права, приходится прибегать к услугам шоферов, чтобы начать расслабляться еще не добравшись до своих новых пенатов.

Впрочем, следует быть диалектиком и понимать, что нет худа без добра. Пробки являются для современного человека также и великим благом. В наше время, когда стремление к образованию приобрело характер эпидемии, а знакомство с научными достижениями и непреходящими культурными ценностями в виде кинопремьер стало источником светских бесед, пробки оказались просто незаменимы. Ну как еще, скажите на милость, можно освоить английский, если не по специальному аудиокурсу для автомобилистов? И как занятому человеку, не имеющему и свободной минуты, ознакомиться с толстенным бестселлером, если не благодаря «говорящей книге», звучащей голосом какого-нибудь артиста и прослушанной опять же в пробке? И где еще послушаешь любимые эстрадные песни, оперные арии или джазовые композиции, как не сидя в автомобиле? И, конечно, радионовости и радиодискусии на наиболее интересные темы. Хорошо подкованные комментаторы уверенно проведут вас по жизни через океаны бизнеса, моря политики, озера медицины, пруды товаров, реки бытовых проблем и ручейки культуры...

А радость общения с близкими, выпадающая благодаря все тем же пробкам? Когда еще обремененным заботами родителям пообщаться со своим чадом, как не стоя в пробке по дороге в школу или обратно? В этот момент, используя замкнутость пространства и невозможность его покинуть, легко узнать всю подноготную: что получил, за что выгнали из класса, как написал контрольную – а заодно и расписаться в дневнике. Можно успеть повторить таблицу умножения, прочитать правила написания корней – гор- и – гар-, зазубрить неправильные глаголы английского языка – да мало ли что еще. В эти благословенные часы хорошо бы также заняться передачей своего богатого жизненного опыта, объясняя, для чего надо хорошо учиться, как в

чистоте содержать ногти и уши и почему к человеку надо сначала как следует присмотреться, прежде чем сделать его своим другом. Полезность таких сведений для юного создания трудно переоценить.

Наверняка существует прямая зависимость между временем совместного пребывания детей и их родителей в пробках и становлением достойных, незаурядных молодых людей. Просто пока такой статистики нет, потому что никто не догадался заняться этими исследованиями.

Кстати, и с другими родственниками общаться тоже лучше всего в пробках. Чтобы не тратить времени. Для этих нужд существуют мобильные телефоны.

– Алло, мама! Я как раз в пробке стою. Так что могу поговорить. Как там твое здоровье? А для таких людей, как Дима, пробки – вообще одно удовольствие. Можно не на дорогу смотреть, а глазеть по сторонам – обнаружить, какие новые дома выстроены, какие магазины в очередной раз закрылись и какие на их месте открылись. Можно разглядывать уличные сценки. Вот мать тянет упирающегося ребенка, вот немолодой мужчина пожирает глазами девушку, стоящую на остановке, вот две кумушки явно перемыывают косточки своей сослуживице, вот бомж роется в контейнере для мусора... Если торчишь в многокилометровом заторе или не сидишь за рулем, а обретаешься где-нибудь на заднем сиденье и обладаешь хоть какой-то долей фантазии, подобные наблюдения способны представить тебе всю полноту и разнообразие жизни города и его обитателей.

Дима не часто сидел за рулем. Вообще-то, он являлся счастливым обладателем довольно немолодого автомобиля отечественного производства. Но пользовался им редко, а в последние месяцы и вовсе не имел никакой возможности порулить. Так складывались обстоятельства.

Автомобиль этот был приобретен им по дешевке у одного не очень близкого приятеля. На большее Дима тогда и не тянул, да и потребности особой не видел: офис находился от него в двух шагах, а выбираться куда-то с друзьями лучше было вообще без машины.

Когда он только начинал трудиться в своей фирме, ездил туда на велосипеде. Ему нравилось заниматься спортом да и форму терять не хотелось. С утра делал кружков десять по окрестным улицам и скверам, а потом, не заезжая домой, отправлялся на работу. Если в течение дня требовалось побывать на какой-нибудь деловой встрече, он и туда гнал на велике. Потом пришло время, когда стало необходимо появляться на рабочем месте в приличном виде, и он от велосипеда отказался. Зато начал бегать по утрам.

Ну а сейчас у него вообще был, можно сказать, личный шофер. Дима не видел ничего вредящего его мужскому достоинству в том, что не он Леночку, а она его катает на своей роскошной машине. Во-первых, для него это не имело никакого значения, он и без этой тачки прекрасно бы обошелся. Вопросы престижа его никогда не интересовали. А во-вторых, спиртное. Без которого на всех этих вечерах просто не выжить. К тому же Леночка вывозила его в свой свет, словно некую знаменитость – такого у них еще не было. А знаменитости как раз и положен соответствующий антураж – навороченное авто и достойный его водитель.

На загородном шоссе поток автомобилей тоже оказался большим. Тут уже особенно рассматривать было нечего: замусоренные обочины, строительные рынки, кое-где голые перелески, торчащие из грязного снега, и развязки дорог. И вдруг Дима вспомнил:

– Слушай, как же это мы? Надо ведь подарок купить.

– Не волнуйся, Дюдик, я уже позаботилась, – прошебетала Леночка. – Я нашла такую прелесть! Саня будет в восторге. Посмотри в коробке.

– Я тебе доверяю. – Нет, посмотри, посмотри.

Дима перегнулся к заднему сиденью, подцепил тяжелый подарочный пакет и, немного подумав, извлек из него коробку.

– Открывай, открывай, – в радостном предвкушении поторопила Леночка.

Коробка едва вмещалась в промежуток между его коленями и потолком машины. С трудом манипулируя на маленьком пространстве, Дима открыл крышку.

– Что это?! – в изумлении воскликнул он.

– Здесь всю красоту не увидишь, конечно. Его надо сначала подключить, – загадочно улыбнулась Леночка. – Подключить?

– Да, это фонтанчик. Мальчик писает, водичка журчит. Правда, прелесть?

– Хм. По-моему это чересчур... смело.

– А я вообще смелая девочка, – кокетливо парировала Леночка.

Всю оставшуюся часть пути Дима наполнялся знаниями о том, как надо выбирать подарки, что необходимо при этом учитывать и где их приобретать. А когда поднялся в понимании этого вопроса на неслыханную высоту, они неожиданно приехали. Миновав два шлагбаума, у каждого из которых Леночка сообщала сурового вида охраннику что-то секретное, они остановились на улице загородного поселка, где уже стоял целый ряд блестящих иномарок.

– Внутрь не въедем, – сообщила Леночка. – Гостей куча понаехала.

Они вышли из машины. Дима сладко потянулся, оглядывая окрестности. Все дышало атмосферой солидности и демонстрировало материальное воплощение крупных денежных сумм в заборы, озеленение и постройки.

– Да, скромно живут современные российские буржуи, – выдал свое заключение Дима.

– И ты так будешь жить... если захочешь, – легко шлепнула его по руке Леночка.

– Если захочу. Это надо будет обдумать, – неожиданно серьезно ответил он.

– Обдумай, Дюдик, обдумай.

Дима взял подарочный пакет, Леночка выудила из-под заднего стекла помпезный букет, подхватила своего кавалера под руку, и они направились к открытой уже для них калитке.

6 Праздник сердца

Представляем вам компактный, легкий в использовании, универсальный прибор – брелок шпиона. Прекрасная вещь, которой можно одарить подозреваемого в неверности супруга, партнера по бизнесу или конкурента. Великолепный помощник в делах и семейных отношениях. С ним вы мгновенно сможете узнать местонахождение наблюдаемого, услышать его мнение о себе, уличить и изобличить.

Замечательный подарок для родных и близких, друзей и недругов!

Если вы закажете брелок шпиона прямо сейчас, то получите от нас в подарок миниатюрный жучок для прослушивания телефонных разговоров.

Анонимное интернет-предложение

Саня Бралев встречал их на крыльце. Широко раскинув руки жестом гостеприимного хозяина, он радостно орал:

– О-о! Какие люди в Голливуде!

И сам Саня Бралев, и его дом поражали с первого взгляда и навсегда. Саня был крупным мужчиной. Наверно, он и в юности мог удивить своими размерами, а с годами хорошей жизни еще и сильно располнел. Мимо не пройдешь. Голова же для такого туловища была мелковата, хотя, возможно, это впечатление создавали жидкие прилизанные волосики, как-то неловко облепившие череп. Одет Саня был броско: в невероятные синие с переливами брюки, видимо, от Версаче, и яркую красную рубашку, скорее всего, от Армани. Толстую золотую цепь, массивный перстень на безымянном пальце и «Ролекс» можно, без сомнения, и не упоминать – и так ясно, что без подобных аксессуаров его облик был бы неполным. Даже мимолетного взгляда достаточно, чтобы понять – перед вами милый, добродушный, хоть и немного шумный человек.

Дом Сани Бралева был исполнен стилистического разнообразия. Арки и колонны всех трех архитектурных ордеров, полукруглые застекленные пространства, кладка поребриком, закомары и многое другое. Богато. И с фантазией. Даже враг не сказал бы, что Саня Бралев живет скромно. Остальное Дима толком разглядеть не успел, увидел только, что на участке разбит парк и возвышается еще куча каких-то строений в той же невообразимой стилистике.

Саня от души потряс гостю руку и поцеловался с Леночкой.

– Поздравляю, – сказал Дима, стараясь не стучать зубами от сотрясающего рукопожатия.

Они зашли, сразу оказавшись в большом холле. Ко входу уже высыпала куча женщин и девиц, встречая припозднившихся гостей. Леночка передала Диме букет, беспечно сказав:

– Вручи это Надежде, – и принялась целоваться со своими приятельницами.

Кто из них была Надежда, Дима не знал. Оттягивая время, он, надев счастливую улыбку на лицо, принялся со всеми здороваться:

– Здравствуйте. Здравствуйте.

В ответ получал жеманные улыбки, оценивающие взгляды и многообещающе звучащее: – Здравствуйте.

Неожиданно на помощь пришел Саня Бралев.

– О, ты ж незнаком, – сказал он. – Это жена моя. Моя Надежда.

Дима торжественно передал громоздкую конструкцию букета невысокой женщине с обидчиво поджатыми губами и как можно более искренне сказал:

– Очень приятно. Поздравляю.

– Спасибо, – принимая букет на грудь, сдержанно проговорила Надежда.

– Здорово звучит: моя Надежда! Скажи? – с жаром продолжил Саня Бралев. – Притом «Надежда» – с большой буквы. Что бы я без нее делал! – Саня притиснул к себе жену. В букете при этом что-то хрустнуло. А может, не в букете?

– Ладно, ладно, – пытаюсь освободиться от него, Надежда одновременно старалась расправить букет. – Подлиза. Он мне чашку из сервиза разбил, вот и подлизывается.

– Я? Никогда, – сделал оскорбленный вид Саня Бралев. И, поскольку тема эта, видимо, муслировалась уже давно, ловко перевел разговор: – Пойдемте, пойдемте... Все уже давно выпивают и закусывают.

– Сейчас мы их нагоним, – весело сообщил Дима.

– Не торопитесь, пупсики, – остановила их Леночка. – Сначала подарочек.

– О! Подарок! – радостно завопил Саня. И у Надежды Бралевой явно отлегло от сердца – скорее всего, она в суете не заметила, что Леночкин спутник держит в руках огромный подарочный пакет. Дима с нескрываемым облегчением протянул его имениннику. Но Леночка перехватила инициативу, поскольку вручение такого презента требовало определенной подготовки. Дима, воспользовавшись сутолокой, возникшей около открываемой коробки, ретировался в гостиную. Участвовать в запуске писающего малыша было выше его сил.

– Слушайте, помогайте же мне! Это не такое простое дело, – только и услышал он капризный голосок Леночки.

Обстановка дома внутри вполне соответствовала его великолепию снаружи. Здесь царили лепнина и позолота, художественный паркет и сногсшибательные драпировки. Фуршетные столы были накрыты по периметру. Гости ходили, сидели, стояли группками, держа в руках тарелки и рюмки разного калибра.

Если в одной руке тарелка, а в друго – вилка, то рюмку уже никак не ухватить. Если в руках рюмка и тарелка, то после того, как выпили, стоящий рядом может закусить с вашей тарелки, но вам самому надо для этого освободить руку от рюмки (если это еще имеет смысл и тарелка не успела опустеть). Кто вообще придумал эти фуршеты?

Явно это иностранное, враждебное и чуждое нам измышление. Ну как можно есть стоя? Пустые слова – что так больше войдет. Не войдет. Ибо в ногах правды нет. Сколько можно простоять, непрерывно жонглируя тремя предметами? Ну час, ну от силы – два. Что же это за застолье, простите меня, на два часа? Совершенно очевидно: тот, кто приглашает гостей попотчеваться стоя, рассчитывает, что они скоро уйдут. Правда, напиться на фуршете действительно можно быстрее – подзываешь услужливого официанта с подносом спиртного, быстро опрокидываешь рюмочку и тут же берешь еще одну, пока он не ушел. А если фуршет попроще, то будешь плескать себе сам или кто-то из друзей озаботится, чтобы у всей компании было «нолито».

А попеть? Можно ли попеть стоя? Только выстроившись в ряд и изображая из себя хор ветеранов. Но такое вряд ли придет кому-нибудь в голову. Поэтому способности гостей к вокальному искусству останутся для хозяев праздника тайной. А зря. Среди них бывают такие соловьи! Заслушаешься, как выводят рулады. Так и думаешь: тебе бы, милому, в консерваторию, а ты дебет с кредитом сводишь ежедневно.

Наестся на фуршете можно. Так же как и напиться: кидает в себя все подряд, да побыстрее, поскольку рядом тоже ребята не дремлют. И, хоть объем заготовленного угощения рассчитан по количеству приглашенных – кто их там знает, этих официантов, поваров и прочих распорядителей. Лучше не зевать. Во-первых, с самого начала положить себе как можно больше и разного, иначе потом не достанется. Во-вторых, регулярно подкладывать по мере появления хоть небольших просветов. Как и в случае с выпивкой, проще всего скооперироваться с какими-нибудь расторопными приятелями или даже малознакомыми людьми, так же как и вы, рассчитывающими не уйти отсюда с пустым желудком. В несколько рук легче дотягиваться до блюд, стоящих в самых отдаленных местах стола, и проворно перекладывать их

содержимое в свои тарелки. А в несколько плеч удобнее оттеснять от желаемых закусок других страждущих.

Да, наестся на фуршете можно, а вот поесть – это вряд ли. Под едой все же надо понимать размеренный прием пищи, а не скоростное забрасывание в себя съестного. При этом предполагается некое смакование, распознавание вкуса и внимательная его оценка. Все это исключается в случае фуршета, поскольку смаковать, напряженно приглядывая за рюмкой, поставленной неподалеку на время использования тарелки и вилки, не очень-то получается, к тому же орлиным взором нужно успевать осматривать стол, стремительно пустеющий с каждой минутой.

Не последнее значение в смысле поесть имеет и ассортимент блюд. Что предлагает нам фуршет? Салатики, маринадики, нарезочки... Но позвольте! Это ведь только подходы к еде, а не сама еда. Еда – это горячее: первое, второе... Теплом ложится оно; желудок, перетруженный закусками, наполняет сытостью, а его обладателя – чувством удовлетворения и покоя. Редкий фуршет предложит вам такое. Ну жульены, которые к горячему отнести, конечно, можно, но к блюду – никак: так, закусочка. Горячим на фуршете может оказаться только картошка фри (тоже, заметьте, иностранная выдумка) и что-нибудь типа гуляша под красивым названием – чтобы ножом пользоваться не надо было. Ведь третьей руки нет.

Считается, что главной задачей фуршета является общение. Деликатно положив на тарелочки некоторое количество еды для удовлетворения аппетита, взяв в руки рюмочку, гости разговаривают, переходя от одного кружка к другому. Так обсуждаются важные вопросы политики, бизнеса, культуры... Так налаживают отношения давно не видевшиеся родственники и друзья, завязываются новые связи и устанавливаются нужные контакты. Люди незнакомые или малознакомые при столь демократичных обстоятельствах имеют возможность сойтись поближе, побеседовать, обменяться визитками, чтобы, встретившись затем в более формальной обстановке, прочно закрепить наскоро оговоренное.

Но и это ерунда – всего лишь легенда о фуршете. Ну какое общение может происходить стоя? На какие серьезные разговоры может пробить человека, уже час стоящего на ногах и передвигающегося по замкнутому пространству с занятыми руками? Максимум, на что его хватит, это воскликнуть:

– О! А ты что здесь делаешь? – Да вот...

– Ну и как оно?

И знакомец, наскоро проглатывая уже закинутое в рот, ответит:

– Да по-разному. А ты все там же? Надо бы повидаться. А дальше пойдут рассказы о собственной жизни. Потому что единственное, о чем человек готов говорить в любом положении – сидя, стоя, лежа, – это о самом себе. Остальные будут рассеянно слушать, надеясь, что рассказчик не слишком затянет историю или опрометчиво умолкнет, заглатывая порцию водки. Тогда и они успеют порадовать присутствующих увлекательным повествованием о своих триумфах.

А еще анекдоты – они, конечно, звучат на этом суррогатном застолье. Без них никак, потому что с их помощью легче всего вырваться из неловкой паузы, занять внимание собеседника и произнести хоть что-то, когда больше говорить нечего.

Вот в такое идиотское положение ставят своих гостей те, кто устраивает фуршеты.

То ли дело наши традиционные застолья...

Гости рассаживаются по местам, имея основательную твердь и под своим задом, и под столовыми приборами. Поза расслабленная, руки свободны – можно пить, есть, говорить не торопясь. Закуски лишь возглавляют трапезу, ими не наедаются, а именно закусывают, оставляя место для горячего. Каждая закинутая в горло рюмка предваряется словами, делающими ее осмысленной, необходимой и полезной. Гости настроены благодушно и благосклонны к выставленному на столах. Хотя редкая женщина удержится, чтобы не сказать:

– Я это готовлю гораздо лучше.

В случае домашнего застолья это будет сказано негромко – только для рядом сидящих, чтобы те априори оценили ее достоинства как хозяйки. А в ресторане можно и погромче – они нам чужие, потерпят правду о том, что готовить не умеют. Правда, и тут надо знать меру. Все же заказ делали виновники застолья, так что подобное обвинение косвенным образом ложится и на них. А они оплачивали и могут обидеться. Еле слышные разговоры и деликатность, с которой гости внимали выступлениям первых двух-трех тостующих, сменяются общим гомоном, активным звоном столовых приборов, призывами услышать не только соседей, но и сидящих через стол, вскриками, всхлипами смеха – всей той атмосферой, которая отличает хорошее, обильное застолье.

После закусок идет горячее. Теперь под ним понимают то, что мы называем вторым. А ведь раньше редкая трапеза обходилась без супа. Наши деды выпивали рюмку и заедали супцом, а не обсасывали корочку лимона или раскусывали глупую оливку, начиненную какой-нибудь худосочной морковкой. Все было солидно, неторопливо, увесисто. Суматошная современная беготня лишила нас этого удовольствия. Крутясь по вечно неотложным делам, успеваем лишь впихнуть в себя пару сосисок или сэндвичей из фастфуда. Привычка к супу – стабилизатору жизни и королю распорядка дня – растворилась в суете. Жира в теле стало больше, а переваривающей способности – меньше. Так что на праздниках и торжествах все равно избегают есть суп, чтобы оставить место для порционного блюда – главного показателя уровня кулинарных способностей принимающей стороны.

К этому моменту распясываются стянутые в начале застолья пояса, гости вытирают пот, появившийся в результате напряженной работы желудка, удовлетворение от принятой пищи достигает своего апогея, и тогда разворачивается уже душа. Движение ее обычно происходит в двух направлениях: попеть и потанцевать. Здесь все зависит от социального уровня питающихся и степени их оснащенности. Может зазвучать акапельный хор застольников, могут появиться музыкальные инструменты для аккомпанемента – от гитары до баяна и балалайки – или будет включено караоке. Танцы-пляски также происходят при разном сопровождении – используются все те же инструменты, исполняется музыка на губах или подручных средствах, которые становятся ударными, звучит живой оркестр или приглашенный певец, поющий под фонограмму, ставятся записи любимых ритмов на дисках или кассетах. При всем разнообразии стилей цель одна – чтобы встрепенувшаяся душа могла развернуться во всю свою ширь. И в глубь, понятное дело.

Иногда, конечно, крайне редко, в каких-то нечаянных исключительных случаях, все та же душа, обильно увлажненная алкоголем, требует более радикальных проявлений. Заделом для них являются случайные недоразумения или претензии, возникающие между двумя или более лицами. Лица эти, первоначально крепко объяснившись, не чувствуют достаточного успокоения от выраженного вслух неприятия позиций друг друга, поскольку внятно донести до оппонента смысл своего недовольства им не удастся. Тогда они переходят к физическим действиям, вколачивая свои аргументы в противника. В просторечии это называется мордобоем и, надо признать, на фуршетах случается редко.

А все по той же причине: душа на этих стоячих мероприятиях развернуться не может и скромно помалкивает в тряпочку.

Дима оценил обстановку. Сегодняшний фуршет отличался от многих других тем, что проводился в домашних условиях. Это давало гостям хоть какой-то шанс: прихватив с собой еду и напитки, самые расторопные из них расселись везде, где только можно – на диванах, креслах, подлокотниках. С некоторыми присутствующими Дима был уже знаком, но, конечно, не близко. Остальных либо не знал, либо не помнил, поэтому счел за благо здороваться со всеми подряд. Иные, так же как и он сам, в ответ внимательно всматривались в его лицо, мучительно стараясь вспомнить, где они его видели. Чтобы не продлевать взаимные мучения, здороваясь, Дима не останавливался, а продолжал двигаться точным курсом к столу с напитками.

И почти дошел, когда его перехватил молодой человек с усиками. «Явный голубец, – подумал Дима. – Усики просто шедевральные!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.